

Юлия Николаева

ХОЧУ БЫТЬ
твоей

Юлия Николаева
Хочу быть твоей
Серия «Времена боли», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Привет, я Вика Царева. Хочешь разрушить свою жизнь, спроси меня, как. Потеряв все, я катилась по наклонной вниз. Пока в моей жизни не появился он. Я его ненавижу, и он отвечает мне взаимностью. Но судьба упорно сводит нас вместе, заставляя превращать жизнь друг друга в ад. Только боюсь, этот ад становится мне дороже всего на свете.

История Тимы из «По следам прошлого». Книги цикла можно читать отдельно друг от друга.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	41
Глава 5	56
Глава 6	67
Глава 7	77
Глава 8	91
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Юлия Николаева

Хочу быть твоей

Пролог

Если бы я только знала, чем закончится этот день, я бы даже из кровати не стала вставать. Лежала бы, пила чертов коньяк, курила в потолок, точно как сейчас, только не было бы всего этого ада, который свалился на мою голову за пару часов. Я перестала хоть что-то понимать. Но между всеми событиями и словами, хаотично бродящими в голове, пробивались мысли, за которые я начинала себя ненавидеть. Говорят, на чужом несчастье счастья не построишь. Да и чужого несчастья как такового пока нет...

На мгновение я увидела их вместе, и подумала: это был бы прекрасный финал моей истории. Я так долго пыталась погубить себя, кажется, бог услышал мои молитвы. Потому что, как бы не хотелось признавать, меня тянет непонятной силой к тому, кто никогда не будет моим. Этот гад влез под кожу, стал частью мыслей, как гребанный коньяк, оставленный им в нашей квартире: он везде, неприметно, почти привычно. И вся беда в том, что, отказываясь признать в этом самой себе, я допустила то, чего никогда не должно было произойти.

Глава 1

Кот был под стать городу: цвета мокрого асфальта, видимо, чтобы сливаться с окружающим пейзажем. Я смотрела, как он с упоением умывается, изредка замирая и глядя перед собой немигающими зелеными глазами. Кажется, невзирая на хмурую погоду, он всем был доволен. Впрочем, кот же питерский, привык к серому низкому небу, опускающемуся куполом на серые дома, переходящие в такой же серый асфальт. С неба привычно капает нечто. Даже дождем не назовешь. Пакостная питерская погода, в которой мне привычно хорошо. Я отвлеклась от созерцания кота за окном и уставилась в чашку с кофе. Опрометчивым решением было купить его на последние деньги. Завтрак так себе, тем более, если не помнишь, когда последний раз ел нормально. Желудок урчал, требуя еды, но я его игнорировала, наслаждаясь ароматом, исходящим от чашки. Сделала глоток, и сразу захотелось курить. Я помнила, что осталось всего две сигареты, их лучше приберечь. Голова раскалывалась, сделала еще один глоток, надеясь на исцеление. Не помогло. Сколько дней я здесь? Десять? Одиннадцать? Черт его знает, да и кому какое дело?

Звякнул колокольчик на двери, я по инерции посмотрела и задержалась взглядом на вошедшем мужчине. На вид ему было лет тридцать пять, темные волосы, красивые глаза, вы-

разительные губы. Высокий, фигура отличная, подчеркнута джинсами и легким пуловером. За километр несет деньгами, что он забыл в этой дешевой кофейне, интересно?

Мужчина прошел к столику рядом с моим, официантка следовала за ним по пятам, еще бы, такой красавец. Заказав объемный завтрак, он задумчиво уставился перед собой, постукивая пальцами. Не знаю, почему, я не сводила с него глаз. Не то, чтобы он мне понравился, но было в нем нечто такое, что привлекало внимание, внутренняя сила, что ли. Его пальцы отстукивали мелодию, я невольно перевела на них взгляд: на безымянном правой руки красовалось кольцо. Интересно, кто та женщина, что смогла его захомутать? Такие обычно легко не сдаются.

Подняв глаза, поняла, что мужчина наблюдал за мной, пока я пялилась на его руку. Ну и хрен с ним, я нагло уставилась ему в глаза. Он усмехнулся, но этим не кончилось, встав, быстро пересел за мой столик, кидая на ходу официантке:

– Подайте мне сюда, пожалуйста.

Я захлопала глазами, глядя на него. Нет, конечно, со мной знакомились мужчины, я вообще-то симпатичная девушка, правда, не после недельного запоя, как сейчас. Вспомнила, как выглядела, выдвигаясь на улицу: старые джинсы, футболка, поверх нее кенгуруха, на ногах кеды. Волосы собраны в пучок и спрятаны под капюшон. Вид почти наверняка болезненный. Короче, сомнительная компания для подобного

мужчины.

Он, между тем, представился:

– Кирилл.

Попялившись недоверчиво, я ответила:

– Вика.

Тут перед ним выставили заказ, состоящий из молочной каши, омлета и блинчиков, так что я чуть слюной не захлебнулась. Желудок взбунтовался, выказывая недовольство, благо, за звоном посуды этого не было слышно. Девушка, выставив все это добро, удалилась, пожелав приятного аппетита. Я уставилась на Кирилла: неужели он все это сожрет?

Мужчина тем временем придвинул к себе омлет, а тарелку с кашей поставил передо мной, чем вызвал еще большее удивление.

– Ешь, – сказал мне и сам приступил к завтраку. Я только глазами хлопала.

– Очень интересный способ подкатить, – сказала все же. Он усмехнулся.

– Просто не люблю, когда смотрят голодными глазами в то время, как я ем.

– Так это приступ милосердия?

– Назови, как хочешь.

Кирилл продолжал есть с аппетитом, а я чувствовала себя полной дурой. Разозлившись, взяла ложку и стала уплетать кашу. Это было блаженство, она как целительный бальзам

ложились на похмельный организм. Быстро управившись, приступила к блинам, которые подвинул Кирилл. Это было уже не насыщение, а удовольствие. Ела, слизывая с пальцев сгущёнку, а он смотрел с интересом, не пряча улыбки.

Наконец, мы оба доели и стали пить кофе. Я сказала:

– Спасибо.

– Пожалуйста. У тебя цвет лица улучшился. Ты уж ешь, говорят, без этого умирают.

Я снова уставилась на него, он вопросительно приподнял брови.

– И откуда ты такой взялся? – задала вопрос.

– Коренной петербуржец, могу паспорт показать, если обещаешь не приходить в гости без приглашения.

– Жена не оценит?

– Я тоже не буду в восторге.

Я только головой покачала.

– И что теперь? Ты меня накормил, напоил, осталось спать уложить?

Кирилл весело рассмеялся.

– А ты ляжешь?

– Неа.

И снова смех.

– Тогда могу отвезти домой, или куда ты захочешь.

Я немного подумала: денег нет, а похмелье есть, хотя и отступило после еды. Неплохо было бы вернуться на квартиру.

– Что ж, – ответила ему, – поехали.

Кирилл расплатился, и мы вышли из кофейни. Припарковался он за углом на платной парковке. Чёрный «БМВ» охренительного вида. Ладно, его кожаный салон меня переживёт.

Пристегнувшись, я назвала адрес и спросила:

– Курить можно?

– Нежелательно. Жена на седьмом месяце, не переносит запах сигарет.

– А других женщин?

Кирилл покосился с улыбкой.

– Ты на себя намекаешь?

– А их много?

– Вот это у нас разговор по душам. Если так интересно: жене не изменяю.

– Любишь?

Он улыбнулся иначе, нежно как-то, но отвечать не стал. Немного проехали молча, потом Кирилл спросил:

– Расскажи о себе. Откуда родом?

– На коренную не похожа?

– Очень похожа, честное слово. Но речь выдаёт.

– Куда уж нам, провинциалам, – я назвала город, Кирилл кивнул.

– В Питере давно?

– Училась тут, – нахмурившись, уставилась в окно, – теперь вот заезжаю в гости.

– Питер он такой, затягивает, – Кирилл, посмотрев в зер-

кало заднего вида, на мгновение нахмурился, – и что, скоро на родину?

– Пока не знаю.

Он свернул на Петроградке в другую от моего дома сторону, я уставилась на него.

– Мне вообще-то прямо.

– Знаю, покатаемся немного, давай рассказывай, чем тут занимаешься?

Я вяло рассказывала, поглядывая на дорогу. Мы петляли с улицы на улицу, не покидая острова. Через двадцать минут Кирилл тормознул возле нужного дома.

– Приятно было познакомиться, Вика.

– Ты странный, конечно, но мне тоже.

Улыбнувшись, Кирилл протянул визитку. Я взяла её, но он пальцы не разжал, сказав:

– Если понадобится помощь... Любая, – выделил слово, – звони без стеснения. Поняла?

Тон его и взгляд стал серьёзным, от милого парня только пшик остался. Это мне не понравилось, но я кивнула и, спрятав визитку в карман, вылезла из машины.

Домофона у нас не было, и вообще, дом был не совсем обычный. Старого фонда, огромный, с большим центральным входом внутри двора.

В нашу квартиру вела так называемая чёрная лестница: узкая и тёмная, вход под аркой, но зато со стороны проспекта. Самым примечательным был тот факт, что в парадной

только одна наша квартира. Так получилось, что на чёрную лестницу было шесть выходов (то есть по одному на каждом этаже), пять со временем стали недействующими, и только наша квартира осталась.

Ну как наша: она съёмная, живут там два моих друга, и ещё Богдан, их приятель. Ванька с Пашкой, так получилось, были со мной на протяжении всего обучения и остались после. Пашка теперь работал звукачом в пафосном ночном клубе, Ванька трудился в музее. Образ жизни вели весьма раздолбайский, много пили, курили и активно принимали гостей. Деньги приходили и уходили, и вот сейчас тот момент, когда они ушли полностью.

Достав ключи, я открыла дверь и, махнув Кириллу, скрылась в парадной. Забавный мужчина, если бы только не конец встречи, его взгляд мне не понравился. Я посмотрела на визитку: «Смиренский Кирилл Сергеевич». Звучит.

Сунув карточку в карман, потопала на последний этаж.

Квартира была открыта, все спали. Слава богу, обошлось без ночующих гостей, разошлись. Я щёлкнула кнопкой чайника, выглянув в окно, оно выходило во двор, тот был пуст.

На кухню выбрался сонный Пашка, хмуро кивнул, оглядываясь.

– Сиги есть? – спросил меня. Вздохнув, я вытащила пачку, мы закурили последние.

– Башка болит, – пожаловался Пашка, наливая чай.

– Ещё бы, столько пить.

Он только скуксился. Чай был невкусный, но с сахаром прокатило. Я прихлебывала кипяток, глядя в окно. Серо. Как обычно. Что делать дальше? Устроиться на работу? Вернуться домой? Никакого смысла ни в одном из вариантов.

– Сегодня в клубе крутая вечеринка, – поделился Пашка, – сделать тебе проходку?

– Давай, – энтузиазма ноль, но, может, к вечеру разойдется.

Я продолжала смотреть в окно. Так и живут: работают, пьют, тусят, занимаются сексом, сочиняют музыку. Сейчас нам по двадцать три, молодость, безбашенность. Мда. А пресыщенность в двадцать три это нормально? Я посмотрела на Пашку. Он ведь и в тридцать будет таким, может, и в сорок. Весёлый, болтливый, несерьезный, талантливый. И жизнь ему в кайф, и пьёт он ради веселья. Черт, в Питере нельзя не пить. И не хандрить тоже.

Кажется, я снова подкрадываюсь к тупику. Придется принимать решение, а не хочется.

И пока не припекло – не буду, буду веселиться.

Это платье я не любила. Оно напоминало о времени, которое хотелось забыть, вычеркнуть из жизни, но другого подходящего не было. Хоть Пашка и сделает проходку, выглядеть надо соответствующе, а то спросят, что я тут забыла. Посмотрелась перед выходом в зеркало: раскрас боевой, волосы распущены, туфли на каблуке и маленькое чёрное пла-

тье. Все, как надо. И слишком на грани. Слишком рискованно. Может, не стоит туда соваться? Но я же не могу всерьёз воспринимать тот разговор? Да к черту его вообще.

Махнув рукой и перебросив через плечо ремешок маленькой сумочки, я направилась вниз, на ходу надевая ветровку. Все-таки Питер не самый тёплый город, тем более ночью и недалеко от воды.

Вечеринка шла полным ходом. Прорвавшись через толпу танцующих, я оказалась у будки с пультом, где восседал Пашка. Плюхнулась на стул, стоящий чуть в стороне, друг, кинув взгляд, вернулся к делу. Стянув ветровку, я бросила её в угол, приблизившись к Пашке. Мне всегда нравилось наблюдать из звукорежиссерской будки за залом. Отсюда были видны в основном макушки и силуэты, мерцающие в огнях, но была перспектива, большой обзор, и в совокупности казалось, что ты в клетке погружён в зверинец, честное слово, до того все происходящее кажется ирреальным.

– Танцуй иди, – сказал Пашка, наклонившись к моему уху, – бар запиши на мой счёт, только не увлекайся.

Усмехнувшись, я направилась в зал. Пашка прекрасно знает: обычно я обхожусь одним коктейлем за его счёт, потом всегда найдётся тот, кто угостит. И этот раз не был исключением. Музыка грохотала в голове, алкоголь бушевал в крови, и я танцевала, танцевала так, словно прямо сейчас умирать. Но, как обычно, наступило утро, и я не сдохла. Упала обессиленная на стул в будке, Пашка собирался.

- Сколько времени? – спросила его.
- Половина шестого. Ты сегодня в ударе.
- Выгляжу терпимо?
- Бывало и лучше.
- Золушка превратилась в тыкву, – усмехнулась, закури-
вая, Пашка дернул из пачки сигарету и положил за ухо.
- Поехали домой, тыква.

Глава 2

Утро наступило в два часа. Контрастный душ немного привел в чувство, когда я появилась в кухне, Ваня поставил передо мной пиалу с китайским чаем.

– Бодрись, – сказал мне, я сделала несколько глотков.

– Пашка дома? – спросила его, он качнул головой.

– На студию умотал. Поедешь туда?

– А там есть дают?

– Не думаю. Я на Лиговку сейчас, если хочешь, погнали со мной, там сегодня концерт у наших ребят, что-нибудь пожрать найдется. Дома шаром покати.

– С деньгами тоже не очень. Официанткой, что ли, устроиться, санкнижка у меня есть.

Ваня посмотрел внимательно.

– Планируешь задержаться?

Я пожала плечами. Действительно, не знаю. Плыву по течению, действую по наитию. А если точнее, как придется.

– Поехали в твой клуб, – ответила, потягиваясь.

Вскоре мы выходили из дома, я в том же одеянии, что вчера: джинсы и неизменная кенгуруха с капюшоном. Самое то для Питера. На улице май, а здесь даже и не скажешь, что за время года. Вечная осень. Мы вышли на проспект, и тут же к нам подошли двое дюжих парней.

– Виктория Александровна, – сказал один из них, – прой-

демте с нами.

Ваня, нахмурившись, протянул:

– Не понял, – но я жестом его остановила.

– Все нормально, Вань, я скатаюсь.

– Уверена?

– Да. Идемте, – это уже парням.

Усевшись на заднее сиденье «Тойоты», я уставилась в окно. Ехать пришлось недолго, выходной, город не стоит. Вскоре мы въезжали в закрытый двор дома на Мойке. Молча покинув машину, я прошла с мужчинами к парадной, поднявшись на лифте, оказалась у дверей квартиры. Открыв ее, мужчина пропустил меня вперед, но сам не зашел. Видимо, не заслужил такой чести. Осмотревшись в темной прихожей, я подумала, стоит разуваться или нет, и все же сняла кеды, решив не зарываться. Прошла в просторную светлую гостиную. Здесь ничего не изменилось за последние полгода. Терпеть не могу эту квартиру. Просто ненавижу. Владельца видно не было. Вздохнув, я прошла и села на диван, откидываясь на спинку, достав сигареты, закурила. Закрыв глаза, отключилась от действительности, отдыхая. Все-таки образ жизни дает о себе знать. Я бы предпочла хорошо пожрать и поспать, а не слоняться по квартирам бывших любовников. В этот момент и раздался голос:

– Паршиво выглядишь.

Глаза я открыла не сразу. Сначала сделала затяжку, выдохнув в потолок, потом посмотрела на Влада. Он стоял на

входе в гостиную, одетый в джинсы и белую майку, волосы влажные. Только из душа? Еще скажет, что готовился к нашей встрече.

– Зато ты, как всегда, хорош собой, – ответила мирно, он рассмеялся, рассматривая меня. Думаю, я реально выглядела не особенно привлекательно после более чем недельного запоя. Мои слова тоже были правдой. Влад всегда выглядел отлично. Он вообще по жизни красавчик: темные волосы, правильные черты лица, чуть раскосые глаза шоколадного цвета, накачанная фигура, вкус в одежде. Умение подать себя, и, конечно, деньги. Владик у нас из мажоров, но справедливости ради надо заметить, не из тех, кто высасывает из родителей все подчистую. Он еще и умен, потому основал свой бизнес, который процветает, принося ему доход и независимость от родителей. Да и мальчику уже тридцать, так что независимость полная. Бабы на него вешаются пачками, он этим с радостью пользуется.

Вот и продолжал бы, нет, меня сюда притащил. Вспомнив нашу последнюю встречу, я мысленно поморщилась. Наверное, не стоило идти в клуб, но я и впрямь не думала, что Владу есть до меня хоть какое-то дело. Все-таки полгода прошло.

На столе стояла пепельница, затушив окуроч, я спросила: – Чего ты хочешь, Влад?

Он сложил на груди руки, усмехаясь. Нас разделял журнальный столик, и ни один не пытался сократить дистанцию.

Если бы было можно, я бы и за диван спряталась.

– Ты нарушила договор, – сказал он спокойно, я устала на него, не веря.

– Но это же бред, – заметила наконец.

– Я сказал тебе: это мой город, моя территория. Решила быть здесь, будешь моей.

– Глупость какая, – я разозлилась, а потому поступила неосмотрительно, потеряв бдительность и вскочив, – ты не можешь отнять у меня целый город, он тебе не принадлежит, так же, как и я, – говоря это, сделала пару шагов вперед и тут же сцепилась с ним взглядом. Среагировать не успела, хотя и попыталась вернуться назад, но Влад схватил за руку, дергая на себя, сжимая меня так, что впору ребрам затрещать. Второй рукой потянул вниз волосы, заставляя откинуть голову назад и посмотреть на него. С его комплекцией мне соперничать трудно, но я все же дернулась пару раз, поняв бесполезность, устала ему в глаза.

– Я доходчиво объяснил все год назад, – выдохнул он, – и проявил невиданную доброту, дав тебе уехать. Поверь, это было сложно, играть в благородство я не люблю. Но ты сама нарушила договор, так что не рассчитывай, что в этот раз я тебя отпущу.

Влад, наклонившись, провел губами по моей шее, не ослабляя хватку, а потом прикусил, несильно, но ощутимо, синяка точно не избежать. Гад, что за привычка клеймить людей? Я снова дернулась, снова бесполезно. Влад смотрел

насмешливо.

– Я ведь говорил, что вернешься, вот ты и вернулась.

– Не к тебе.

Он отпустил меня так же резко, как схватил, отшатнувшись, я и впрямь встала за диван, чем его повеселила.

– Если бы не хотела, чтобы я узнал, не пришла бы в клуб, – заметил Влад, проходя в кухню, – хотя я и без того знал, даже приставил к тебе ребят из любопытства. Кстати, ночью меня задолбали звонками на тему «твоя Царева вернулась».

– Я не твоя, – исправила, скорее, по инерции. Влад появился на пороге со стаканом сока. Стакан запотел, а я прямо почувствовала на языке вкус холодного апельсина, похмелье дало о себе знать, в горле пересохло.

– Моя, – ответила между тем Влад, – еще как моя, признай и смирись.

Он сделал глоток, а я полезла за сигаретами. Закурив, спросила:

– И что теперь? Будешь меня силой держать?

Влад снова усмехнулся.

– Если придется, так привяжу.

Он снова приблизился, я сделала несколько шагов в сторону, чтобы нас по-прежнему разделял диван.

– Вещи свои можно забрать? Или прямо сейчас привяжешь?

– Детка, я помню, ты считаешь меня тираном, – хмыкнул Влад, – но если очень хочется... Даю тебе свободу до зав-

тра. Да-да, ты не ослышалась, – добавил на мои вздернутые в удивлении брови, – ребята, конечно, за тобой присмотрят, так что не вздумай убегать. Не в этот раз.

Мы немного поиграли в гляделки. Вести с ним разговоры – труд напрасный. Он уже все решил. А вот не воспользоваться поблажкой глупо. Пусть это иллюзорный шанс на побег. Только бы не возвращаться в эту квартиру и эту жизнь. Однажды я сглупила, но сполна расплатилась. Хватит.

– Так я могу идти? – спросила Влада, он хохотнул.

– Беги, раз уж так не терпится. Завтра в десять утра за тобой приедет мой человек, будь готова.

Домой меня везли те же парни. Я устало пялилась в окно, помимо воли вспоминая наш с Владом роман. Если, конечно, можно назвать так те отношения, что у нас были.

Мерцание огней сводит с ума, их слишком много, как и алкоголя в моей крови. Я пью и ничего не чувствую, последнее время слишком много пью, дозы увеличиваются, и я надеюсь когда-нибудь просто утонуть в алкоголе. Раствориться. Мой собеседник что-то втирает, склонившись к уху. И хотя за вип-столиками музыка слышна не настолько одурительно оглушающе, я его не слышу. Ни к чему.

Я не вижу, но чувствую, на меня кто-то смотрит, а может, это алкоголь дурманит голову? Поворачиваюсь и натываюсь на взгляд, от которого не по себе настолько, что часть опьянения просто слетает. Отворачиваюсь, убеж-

дая себя, что это только мои фантазии. Но взгляд продолжает жечь, и я поневоле смотрю и смотрю в ту сторону. А он не отводит глаз. Рядом с ним брюнетка, почти залезла на него, что-то шепчет на ухо, запустив руку в волосы. Он словно не замечает этого, продолжая смотреть. Я чувствую себя неуютно, пить не хочется, как и общаться, даже находиться здесь под его взглядом невозможно. Я терплю, искусственно улыбаясь своему собутыльнику. Даже не помню, как его зовут. Да и зачем? Очередное знакомство на вечер.

Пропускаю момент, когда он оказывается рядом с нашим столиком. Возвышается над ним, как скала, готовая раздавить. Я только вздрагиваю, слыша, как он здоровается с парнем, рядом с которым я сижу. Слежу, как они жмут руки, как что-то говорят друг другу. Все, как в замедленной съемке. А потом голос разрезает этот вакуум:

– Это Вика, – радостно представляет нас мой друг на вечер, – а это Влад.

Я киваю под насмешливым взглядом, вцепляясь в бокал, смотрю перед собой. Влад садится рядом, я перевожу взгляд на его столик, девушка сидит в одиночестве и недоумении. Мне это не нравится. Мне вообще не нравится все происходящее. Резко поворачиваю голову, снова сталкиваюсь с темным взглядом, внимательно меня изучающим. Нет, не изучающим, раздевающим. Мое маленькое черное платье сразу кажется сомнительной одеждой. И я думаю только об

одном: как сбегать отсюда, потому что все происходящее вроде бы без объективной причины, но совершенно точно не приведет к хорошему.

Я говорю, что отлучусь в туалет, и под насмешливым взглядом Влада удаляюсь именно туда, словно он разглядит в этой толкучке, куда я пошла... Немного постояв перед зеркалом, выхожу и пробираюсь к выходу. И уже чувствую спасительный свежий воздух, когда меня перехватывает сильная мужская рука.

Мне не надо смотреть, чтобы понять, кто это. Но я смотрю, наши взгляды сцепляются на несколько секунд, и это словно вечность. Теперь я вижу цвет его глаз – темного шоколада, и думаю о том, что он наверняка сразил наповал не одну девушку, только на нее взглянув.

– Убегаешь? – спрашивает насмешливо, и я зачем-то вру.

– Покурить хотела, – голос предает меня, я откашливаюсь, отводя взгляд, слава богу, Влад меня отпускает. Мы выходим на улицу вместе. Я стою с сигаретой во рту, разыскивая в сумочке зажигалку, пока Влад не чиркает своей, поднося ее к моему лицу. Прикуриваю, разглядывая его пальцы, сильные руки, чувствуя себя полной душой из-за того, что испытываю страх. Мы курим молча, он смотрит на меня, я не вижу этого, потому что мой взгляд направлен вперед, но ощущаю кожей.

В клуб возвращаемся вместе, я чувствую себя под конвоем. Его девушка сидит за нашим столиком, это немного

успокаивает, Владу придется уделять ей внимание. Но ему, кажется, плевать на свою подругу, он продолжает смотреть на меня. Приглашает танцевать, протянув руку. Я смотрю на нее, не зная, что делать, а потом иду на танцпол. Он крепко держит мою руку в своей. Прижимает к себе так, что становится тяжело дышать, я утыкаюсь носом ему в грудь, он – мне в волосы. И это уже никуда не годится. Мне не нравятся планы, которые отчетливо видны в его глазах и действиях. Он явно рассчитывает на продолжение, и привык получать то, что хочет. Его руки жгут спину, и я мечтаю об одном: чтобы эта песня закончилась, как можно скорее. А после предательски сбегая, уловив момент, радуясь так, словно удалось миновать беду.

Утром я просыпаюсь от звонка в дверь. Часы показывают одиннадцать. Пашики и Ваньки уже нет дома, и я не догадываюсь, кто бы это мог быть. Распахиваю дверь, сонно щурясь, и замираю, кляня свою беспечность. На пороге стоит Влад.

Я с трудом подавляю желание захлопнуть дверь перед его носом и через мгновенье жалею об этом, потому что он оттесняет меня, проходя в узкую прихожую.

– Кофе угостишь? – улыбается весело, ему происходящее, видимо, забавно.

– Только чай, – отвечаю по инерции. Ванька с Пашкой не пьют кофе, предпочитая китайские чаи, потому свою потребность в данном напитке я удовлетворяю в кофейнях.

– Давай чай, – Влад теснит меня, заставляя пройти в коридор, а оттуда в кухню. Там садится за стол, бегло осмотрев скудный интерьер съёмной квартиры, переделанной из коммуналки. По сравнению с ней нынешняя просто хоромы. Кухня маленькая настолько, что мне кажется, на нас двоих тут не хватает воздуха. Я поворачиваюсь к гарнитуру и начинаю возиться с чаем, не выдержав, говорю:

– Послушай, Влад, если я каким-то образом дала тебе надежду на то, что мы с тобой... – смотрю на него, повернувшись, и тут же сбиваюсь под его взглядом, но добавляю. – Прости, но ты меня не интересуешь.

Кажется, мои слова его откровенно смешат, встав, он в один шаг оказывается рядом, преграждая собой выход из этой чертовой кухни. Смотрит с интересом, словно пытается в душу пробраться. А я думаю о том, что на мне пижама, и это явно не лучший наряд, в котором стоит встречать такого парня.

– Вот ты, значит, какая, Царева Виктория Александровна, – произносит, заставляя нервно сглотнуть, – выпускница театрального института по классу актерского мастерства. Знаешь, актриса из тебя что-то хреновая.

– К чему это? – спрашиваю, стараясь быть спокойной. Ну узнал он мои данные, так это не сложно, тем более, если человек имеет деньги. – Просто скажи, что ты хочешь от меня?

Влад снова усмехается, продолжая смотреть.

— А сама не догадываешься? — я только выдыхаю, он кивает. — Догадываешься. Но я скажу, раз тебе важно услышать. Я хочу тебя, Вика Царева. И привык получать то, что хочу. Не спеши с ответом, подумай. Поверь, нам будет хорошо, я умею быть благодарным.

Наверное, Влад, действительно, так считал, только по итогу хорошо не будет и благодарности я тоже не дождусь.

Глава 3

«Тойота» осталась стоять недалеко от входа в парадную. Открыв дверь, я потопала на последний этаж. Выход один: бежать. Только как это сделать, если Влад дал понять: не выйдет?

Дома никого не было. Усевшись на подоконнике и закулив, я уткнулась лбом в стекло. Значит, Питер действительно для меня закрыт? Полная хрень. Единственная отдушина под запретом. Придется возвращаться в свое болото и как-то жить. Только бы выбраться, а это сложно, если учесть, что выход из дома один, и его охраняют верные псы. Тут на ум пришел вчерашний знакомец. Странный тип по имени Кирилл. Кажется, он говорил звонить в любой ситуации, даже необычной? Необычнее некуда, ага. Достав визитку, я нерешительно замерла с телефоном в руке. Я ничего не знаю об этом парне и собираюсь просить о помощи, значит, довериться... Рискованно. Хотя чем я рискую? Идея о том, что он мной воспользуется, не вызвала отклика, а больше ничего на ум не пришло. Лучше рискнуть, чем садиться на очередные эмоциональные качели с Владом.

И я набрала номер мобильного, указанный на визитке. Ответили через четыре гудка, я сразу узнала Кирилла.

– Слушаю, – бросил коротко.

– Привет. Это Вика, ты меня завтраком угощал.

Секундная пауза.

– Привет, Вика. Что-то случилось или хочешь напроситься на обед?

Я чуть не сказала: а можно? Но быстро поняла, как неуместен этот вопрос.

– Ты, кажется, предлагал помощь?

– Да. Что надо?

– Уехать из города незамеченной.

Кирилл еще помолчал.

– Встретиться можешь?

– Нет. И уехать надо до завтрашнего утра.

Сейчас он меня пошлет и правильно сделает. После нескольких секунд тишины Кирилл ответил:

– Я перезвоню.

И первым повесил трубку. Все-таки очень странный мужчина. Другой бы отправил на три веселых или хотя бы поинтересовался, какого черта происходит. Может, зря ему позвонила? Затушив окурок, я отправилась в комнату и рухнула на кровать, глядя в потолок. Теперь остается только ждать. Другого выбора нет.

Я уснула, спала без снов, в моей жизни это считалось хорошим знаком, лучше ничего, чем кошмары. Звонок Кирилла разбудил меня через два часа.

– Слушай, беглянка, – сказал он мне, – ты дома?

– Да.

– И выйти не можешь, правильно я понял?

– Вроде того.

– За тобой следят?

Вот откуда он это взял? Догадался или провел рекогносцировку? Вряд ли, конечно, слишком много хлопот ради человека, которого он не знает. Надо говорить правду, раз уж решила обратиться за помощью.

– Да, – я описала ему особенности нашей парадной, выслушав, Кирилл немного подумал и сказал:

– Будь готова к полуночи, беглянка, – и повесил трубку.

Лаконично. Но я почему-то сразу ему поверила и даже выдохнула спокойно, возможно, удастся избежать встречи с Владом и всем тем, что он там себе придумал в этот раз.

Я выползла на кухню, Ваня вернулся с двумя приятелями, они пили чай, смотря видеоклипы в интернете. Плюхнувшись на стул и поздоровавшись, я получила свою пиалу с пахучим напитком.

– Все нормально? – спросил Ваня, внимательно глядя, я кивнула. Немного поторчав в кухне, ребята пошли курить в чилаут на лестничной клетке, удержав друга, я сказала:

– Уезжаю сегодня.

– Домой? – лаконично спросил он. Я в очередной раз кивнула. А куда еще? Впрочем, какая разница, где быть?

– Может, оно и к лучшему? – Ваня смотрел вопросительно, сам не зная, что для меня лучше. Я тоже не знала.

Улыбнувшись, отпустила его к ребятам и вернулась в комнату. Немного посидела, глядя в стену. Ну вот, сбежала отту-

да сюда, теперь бегу отсюда туда. Замкнутый круг какой-то.

К полуночи я была готова, рюкзак с вещами стоял у выхода, мы с Ванькой и Пашей сидели в кухне, когда раздался стук в дверь. Переглянувшись, все встали, ибо такого просто быть не могло. Ребята прошли в прихожую, я за ними, держась сзади. Пашка открыл дверь, за ней стоял Кирилл. Обозрев нашу компанию, улыбнулся, друг присвистнул, разглядывая его.

– Вы через крышу, как Карлсон? – поинтересовался-таки Пашка. Кирилл юмор оценил, хмыкнув, перевел взгляд на меня.

– Готова, беглянка?

Я кивнула, не сдержав улыбку. Точно супермен. И откуда он свалился на мою голову?

Кирилл, зайдя в прихожую, пожал руки парням, пока я обувалась и натягивала кенгуруху. Рюкзак набросил себе на плечо.

– Еще и джентльмен, – Пашка сказал это таким тоном, что я прыснула со смеха, косясь на Кирилла, тот остался непроливаемым, только бровь вздернул. Обняв ребят, повернулась к нему.

– Я готова.

Кивнув парням, он начал спускаться по лестнице, я следом, слушая, как закрывается за нами дверь.

– Как ты сюда попал, супермен? – все же спросила Кирилла в спину.

– Сейчас узнаешь, беглянка.

Мы спустились на пару этажей. На нескольких пролетах еще сохранились двери, ведущие на черную лестницу, с той стороны они обычно или заколочены, или просто заделаны. Одна из них оказалась сейчас приоткрыта, я присвистнула, Кирилл шикнул.

За ней находился хмурый мужчина, который проводил нас по темному коридору мимо дверей в комнаты, здесь явно была коммуналка. К счастью, нам никто не встретился, мы оказались на парадной лестнице, освещенной ярким светом, просторной, с лепниной на стенах. Да уж, это Питер. Лифт не работал, мы начали спускаться по лестнице все в том же молчании. Уже почти достигли первого этажа, как хлопнула входная дверь, и Кирилл быстрым движением развернул меня к стене, а сам навис сверху, закрывая собой. Приобнял, я по инерции уткнулась носом ему в грудь и вдохнула запах туалетной воды.

– Обними меня, – шепнул Кирилл, я послушалась, продолжая стоять. Не слышала ни шагов идущих мимо нас, ни голосов, только поймала себя на странном чувстве, которое не испытывала уже давно: чувстве спокойствия и защищенности. Когда ты в надежных руках и знаешь об этом, когда можно просто расслабиться и разрешить себе быть слабой. Непозволительная роскошь в моем случае.

Шаги удалились, Кирилл отстранился, я неловко отвернулась в сторону.

– Идем, – сказал он негромко, начав спуск. Я последовала за ним, доставая на ходу сигареты и закуривая. Меня слегка потряхивало, нет, Кирилл как мужчина не вызвал каких-то эмоций, но он выдрал из памяти те чувства, которые я столько времени давила. Сделав несколько быстрых затяжек, вышла на улицу и выбросила окурок в урну. Взяв меня за руку, Кирилл быстро прошел к машине, стоящей во дворе недалеко от входа, через пару минут мы уже ехали по параллельной Большому проспекту улице. Почему-то было неловко, я молчала, хмурясь, глядя в окно, Кирилл тоже не вступал в диалог. Ехали мы в сторону Купчино через центр, словно Кирилл хотел провезти меня напоследок по любимым местам. Я любовалась Невским, Фонтанкой, домами, впитывая в себя этот город. Правду говорят: один раз сюда попадешь, и все, хана, затынет. Если город примет, то вообще хана, беги-не беги, будешь возвращаться сюда. Город – сказка, город – мечта. Вот и я попала в его сети, только навсегда пропасть никак не получается. Хотя, кажется, я на пути к успеху.

Ехали мы в сторону спального района, и я спросила:

– Какие у нас планы?

– У меня для тебя хорошая новость, беглянка, – заметил Кирилл, – знакомый едет в ваш город, возьмет тебя с собой.

– Серьезно? – я уставилась на него недоверчиво. Слишком уж много совпадений для такой истории.

– Не надо меня подозревать во всех грехах, – усмехнулся он, – это ты сбегаешь из города, я всего лишь согласился тебе

помочь.

– Кстати, почему согласился?

Кирилл пожал плечами.

– Ты мне понравилась, – сказал, покосившись с улыбкой.

– Только жене не рассказывай, – съехидничала я в ответ.

Он продолжил усмехаться.

– Забавная ты, беглянка.

Мы снова замолчали, я пялилась в окно, размышляя над ситуацией. Странно все это. Если бы я была фантазеркой, наверное, смогла бы придумать что-то вроде того, что Влад играет в благородство и подослал Кирилла, дабы тот отправил меня из города. Но Влад на это не способен по той простой причине, что привык потакать своим желаниям и уж точно не будет устраивать подобный замысловатый квест. Выходит, Кирилл и Влад не связаны друг с другом, однако появление первого в такой подходящий момент настораживает. Как и приятель, который вдруг едет в мой город.

Из машины я выходила, так ничего и не надумав. Кирилл, подойдя, вдруг сказал:

– Ничего не бойся, беглянка, никто тебя не обидит. Слово даю.

И я почему-то ему поверила. Может, из-за того странного чувства защищенности, что возникло в парадной, когда он меня обнял, может, просто дура, которой захотелось верить в лучшее. Кивнув, последовала за ним к парадной одной из новостроек, расположившихся друг возле друга. На лифте мы

поднялись на четвертый этаж, Кирилл позвонил в дверь, я стояла за его спиной, потому не видела открывшего. Мы прошли в просторную прихожую, хозяин уже успел удалиться. Из прихожей попали в единственную комнату, просторную, обставленную современной мебелью, но какую-то нежилую на вид. Скорее всего, квартиру сдают в аренду. Обведя глазами комнату, я наконец перевела взгляд на знакомого Кирилла и нахмурилась. Он рассматривал меня с неприязнью. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: мужчине я не нравлюсь. Впрочем, может, он просто не горит желанием везти с собой непонятную девицу, от которой могут быть неприятности. Помимо воли я бросала на него взгляды. Среднего роста, около сорока, коротко стриженные темные волосы уложены назад, высокий лоб, выразительные глаза под густыми бровями, тонкий нос, пухлые губы, легкая щетина, хорошая фигура, не перекаченный, но мужественный. Красивый мужик с некрасивым взглядом, который продолжал, натыкаясь на меня, прожигать неприязнью. Если бы не слова Кирилла, сказанные у парадной, я бы вовсе отказалась ехать.

– Виктория Александровна Царева, – с легкой улыбкой подтолкнул меня вперед Кирилл, – мечтает вернуться домой и безумно благодарит за помощь. Правда, беглянка?

– Ага, – хмуро ответила, стараясь скрыться от этого взгляда. Мужчина кивнул, представившись:

– Тимофей Самохин.

Воцарилась тишина, через пару мгновений ее нарушил Кирилл:

– Моя миссия выполнена, я отбываю.

Тут у него зазвонил телефон, вытащив его, Кирилл ответил:

– Да, Ангелина, я буду минут через сорок.

И тут взгляд Самохина изменился, в нем появился интерес и... нежность? Какого черта? Кирилл этого не видел, стоя спиной, слушая, что говорит ему... жена? Неведомая Ангелина.

Повесив трубку, Кирилл перевел взгляд на Тимофея, а тот вдруг сказал:

– Слышал, у вас скоро пополнение.

Кирилл, вздернув бровь, кивнул.

– Спасибо, – добавил Самохин, – что она счастлива.

Кирилл, усмехнувшись, пожал ему руку и потопал в прихожую. Самохин за ним. А я пыталась понять, что связывает этих мужчин? Определенно эта Ангелина знакома обоим, судя по взгляду Тимофея, он к ней испытывает или испытывал нежные чувства, но ревности или ненависти я не увидела, то есть тот факт, что теперь она с Кириллом его не сильно огорчил. Наоборот, он, кажется, рад... Блин, о чем я думаю? Меня это все не касается. Доеду с этим Самохиным до дома и навсегда о нем забуду.

Я слышала, как щелкнули замки, хлопнула дверь, снова замки, и стало неуютно оттого, что я осталась один на один с

этим мужчиной. Он мне не нравился, определенно. Я стояла, глядя в окно, чувствуя, что Тимофей смотрит мне в спину. Обернувшись, спросила:

– Курить можно?

– В кухне, – ответил он, кивнув, я прошла в кухню, он следом за мной. Все под тем же пристальным взглядом достала сигарету, сунув в рот, стала искать зажигалку, которая, как назло, куда-то делась. Самохин протянул свою. Не поднимая глаз, я взяла ее, случайно коснувшись его пальцев. От этого стало как-то неловко. Мне вообще было тяжело находиться рядом с ним, черт знает, почему. Прикурив, вернула зажигалку, он убрал ее в карман, продолжая меня рассматривать. Я начала злиться. В конце концов, это просто неприлично.

– Вы во мне что-то интересное нашли, что глаз не сводите? – поинтересовалась, стараясь, чтобы не прозвучало язвительно, вышло так себе.

Он усмехнулся, скрещивая на груди руки и прислоняясь к кухонному гарнитуру, рассматривать не перестал, на вопрос тоже не ответил. Очень хотелось сказать что-то нелicenseприятное или вовсе послать и слинять от этого странного мужика, но я держалась, и перед Кириллом неудобно, и уехать мне все же хотелось.

– Через пятнадцать минут выезжаем, – сказал Самохин, разворачиваясь и выходя из кухни. Все это время я провела одна, пялясь в окно. Даже чая не предложил, хотя, может, его нет?

Через двадцать минут мы отъехали от дома все в том же молчании. Номера на машине были нашего региона, выходит, Самохин оттуда? Я села на заднее сиденье, мужчина никак сие не прокомментировал. Ехать нам порядочно, часов двенадцать точно, к разговорам он не расположен, я тем более, так что буду спать, да и ночь на дворе. Но почему-то не спалось, то и дело поглядывала в зеркало заднего вида, ловя в ответ взгляд. Не выдержав, снова спросила:

– Я вам чем-то не угодила?

Самохин все-таки усмехнулся, переводя взгляд на дорогу.

– Да нет, – соизволил ответить, – Кирилл сказал, за тобой следят. Один из многочисленных любовников?

Наверное, я покраснела от злости. Какое он имеет право разговаривать со мной в таком тоне, да еще и высказывается, ничего обо мне не зная? С удовольствием огрела бы его чем-то по голове, но в итоге только процедила:

– Вас это не касается, – и отвернулась к окну. Больше за всю дорогу не было сказано ни слова до самого утра. Я все не могла уснуть. Смотрела на бегущие в темноте очертания деревьев и домов и почему-то вспоминала наше с Владом прошлое, наверное, слова Самохина повлияли. Вот он считает меня дешевой дрянью, и прав. Хотя многочисленных любовников в моей жизни не было, да и было их всего двое.

Я курю, пялясь в потолок, думая над предложением Влада. Дым сизым облачком поднимается вверх. Курю-то всего

ничего, чуть больше года, а уже испытываю зависимость от этого сранного наркотика под названием никотин. Помню, как курила в первый раз, как кашляла, давясь едким дымом. Как думала, что за дрянь, я больше никогда... А потом повело, голова немного закружилась, эмоции притупились. Седатив, противный, невкусный седатив. В который быстро втягиваешься. И вот я уже думать не могу, пока не покурю с утра сигаретку.

Дым медленно расплывается в стороны, исчезая под потолком. Я лежу и, как в той до хрена романтической песне, вижу его лицо. Лицо Влада, когда он предлагает мне стать его содержанкой. Отдать свое тело в обмен на деньги. И пусть никто не уйдет обиженным. Самое интересное, я и впрямь не обижаюсь. Понимаю, он играет по привычным ему правилам, и девушки, многие девушки, соглашались на подобные условия. Он же не конвертик после секса выдает, нет. Он просто имеет тебя, когда хочет, а ты бегаешь собачонкой, улыбаешься. Он трахает тебя, пока ему это интересно, покупает подарки, водит по кабакам и все по списку. Последний пункт: он выставляет тебя за дверь с каким-нибудь дорогим сувениром на память.

Но я курю и думаю вовсе не об этом. Я думаю о том, что, предав единственное, что еще у меня осталось – память о нас – я избавлюсь от этой мучительной боли, сжигающей меня каждую минуту жизни. Растопчу все светлое, что было, попру свою любовь, отдавшись бесчувственным

рукам и губам, и не останется ничего, за что еще можно уцепиться.

И когда звонит Влад, я соглашаюсь. Он действует решительно, просто забирает меня в свою шикарную квартиру на Мойке. И начинается новая жизнь. Влад таскает меня повсюду, одевает, кормит в лучших ресторанах. И трахает, когда ему заблагорассудится. Он умеет и любит это делать, и я получаю удовольствие от грубого напористого секса, совсем не похожего на тот, что был у меня раньше. Но удовольствие лежит на уровне тела, и как только все кончается, я снова становлюсь куклой. Сначала Влада все устраивает. Ему нравится, что я такая послушная, что делаю все, что он хочет, он не видит, что за этим стоит не страсть, а желание принизить себя. Я жду, жду, когда он наиграется и выбросит меня, чтобы окончательно почувствовать себя продажной дрянью. Но время идет, а я продолжаю жить в его доме. Меня знают все его друзья, Влад зовет меня «моя Царева», и я чувствую себя в его квартире, как дома. С одной пометкой: я ненавижу свой дом.

Через четыре месяца Влад начинает раздражаться, и я понимаю: скоро получу от ворот поворот. Он пытается со мной ругаться, что-то требовать, высказывать, я принимаю все с покорным молчанием. Только теперь его это бесит. И молчание, и покорность. Теперь он трахает меня, пытаясь заглянуть в глаза, и обнаруживает, что в них ничего нет. Они пустые. И он бесится еще больше. Обзывает

меня долбанной шлюхой. Я молчу. И он уходит. Уходит все чаще, возвращаясь под утро пьяным. Я понимаю, пора уходить. Собираю вещи, оставляя почти все, купленное им, уезжаю к Пашке с Ваней. Влад забирает меня через несколько часов, силком запихивает в машину и везет обратно. Я не понимаю, чего он хочет, но молча разбираю вещи. Влад бесится, я снова становлюсь бесчувственной пустышкой.

Наша совместная жизнь напоминает сумасшедший дом. Я почти никуда не выхожу два месяца, Влад пропадает на работе и в клубе. Когда мы видимся, он чаще всего пьян. Говорит, что ненавидит меня. За эти два месяца я еще три раза ухожу, и меня снова возвращают через несколько часов. Я прошу отпустить, потому что это уже не смешно, даже неинтересно. Влад орет, что если бы он только мог... И снова напивается. Наконец, он появляется на пороге спальни рано утром, трезвый, бледный и усталый. Кидает, не разбирая, мои вещи в чемодан, я сонно потираю глаза, не понимая, что происходит.

– Убирайся из этого города к чертовой матери, – говорит, толкая мне чемодан, – убирайся, Царева, пока я тебя не убил. Но помни, это мой город, вернешься, я за себя не отвечаю.

– Это вроде уговора? – бестолково спрашиваю я, Влад как-то горько усмехается.

– Считай, что так. В этом городе ты можешь быть только моей. Вернешься – имею право делать с тобой, что

хочу. А желания у меня отнюдь не светлые. Так что убирайся, пока я не передумал.

Я вижу, что он не шутит. Хватаю чемодан и сумку и покидаю успевшую стать ненавистной квартиру, как я думаю, навсегда.

Глава 4

Я таки уснула. Проснулась около девяти утра, мы въехали в нашу область. Вскоре свернули на заправку, Самохин, заправившись, скрылся в магазине, я с тоской подумала, что неплохо бы поесть, но денег не было, так что пришлось сидеть и пялиться на людей. Вскоре появился Тимофей. Имя-то какое дурацкое, совершенно ему не идет. Хотя если сокращенно... Тима. Вполне. Только он должен быть веселым балагуром, а не хмурым злокой. В руках у Самохина был бумажный пакет и два кофе в переноске. Я чуть не присвистнула от такой заботы, неужто мне? Или сам оба выхлебает? Сев в машину, Тимофей протянул мне пакет и переноску, предварительно забрав один стакан. При этом даже не взглянул. Ладно, парень, я уже поняла, что тебе нравятся добропорядочные дамы, к коим ты меня не причисляешь. Нарываться не буду. Сказав спасибо, принялась за хот-дог и кофе. Это было почти блаженство. За окном распогодилось, питерская весна не шла ни в какое сравнение с нашей, там серость и ветра с дождем, а тут не май – лето. Солнце жарит, но в машине прохладно, так что вообще кайф. Еще немного поглазев на дорогу, я снова уснула, а проснулась уже на въезде в город. Скользила взглядом по проносящимся мимо улицам и думала: что дальше? Маленькие городки напоминают собой замкнутые пространства. Здесь ты или живешь по их прави-

лам, или убегаешь. Убежать у меня не получается. Пытаюсь, пытаюсь, а все равно выносит к родному берегу.

– Я на Шоссейной живу, – сказала Самохину, – но вы можете высадить, где удобно.

– Подвезу, – коротко бросил он, закуривая, я последовала его примеру. Осталась ещё одна сигарета, прекрасный повод бросить курить, как шутит Пашка. Бросить, а потом снова начать.

Через двадцать минут мы тормозили во дворе моей старой пятиэтажки.

– Спасибо, – сказала я, вылезая, он кивнул.

После прохладного салона на улице показалось совсем жарко, чуть отойдя, я бросила рюкзак на землю, стягивая свитер и оставаясь в одной майке. Подумала, закурить или нет, решила, лучше дома, и тут, как по заказу, открылась дверь подъезда и появилась Катька. Сестра, увидев меня, обалдела, замерла, открыв рот, я клоунски улыбнулась.

– Вика! – бросившись, обняла меня. – Вернулась. А у меня окно в школе, забежала домой вот. Как раз ухожу.

Самохин, выйдя из машины, закурил, поглядывая на нас. Вот чего бы просто не уехать? Катька рассматривала меня так, словно я год отсутствовала. А потом заявила:

– Я так рада, что Тима уговорил тебя вернуться.

Я часто заморгала, хмурясь. Не успела ничего сказать, как сестра прильнула к Самохину, быстро целуя в губы. Он ответил, отстранившись, посмотрел на меня и, затаившись,

выдохнул дым, отворачиваясь. Ну и гад.

– Я поеду, Кать, – сказал сестре, погладив ее волосы, – всю ночь в дороге.

– Да, конечно, – она закивала, снова целуя. Наконец, он сел в машину и стал выезжать со двора, Катька встала рядом со мной, мы провожали машину взглядами.

– И кто же у нас Тима? – спросила я. Сестра неуверенно улыбнулась.

– Прости, наверное, я должна была тебе рассказать...

– С чего бы, – хмыкнула я, тем самым ее смутив. Ну надо же, вроде совсем большая девочка, тридцать пять в этом году, а вечно наивный ребенок. Как еще училкой работает?

– Мы случайно столкнулись, – начала рассказывать Катька. Я все-таки закурила. – Я шла домой, груженная тетрадками и продуктами, он выходил из банка. Предложил помочь. Через пару недель опять столкнулись. Тима предложил выпить кофе, я согласилась, напротив же кофейня... И как-то само собой вышло.

– И сколько это само собой продолжается?

– Около трех месяцев.

Я только головой покачала, а сестра умеет быть скрытной, когда ей это нужно.

– Прости, я боялась, что ничего не получится, старалась не афишировать... Да еще и мама... Как-то неловко... И Тима он такой... Ну не нашего круга, что ли.

Это точно, тачка у него дорогая, шмотки тоже. Явно не

бедствует, а встречается с обычной школьной училкой, которая чуть ли не колготки себе штопает. Уж явно мог найти кого получше. Я невольно окинула сестру взглядом, отмечая, что она хороша собой. Высокая, худая, точеной фигуру не назовешь, но вполне себе. Немного острые, но все же правильные черты лица, чуть раскосые глаза, пухлые губы. Копна темных, почти черных волос. Вроде все при ней, а с мужиками по жизни не везет. Даже замуж по дурости или молодости не выскочила, как это принято у нас в городке. Так и кукует одна. Точнее, куковала, пока этот Самохин не вылез.

– Он очень хороший, – продолжила тем временем Катька, – уверена, вы подружитесь. Мне бежать пора, опаздываю уже.

Чмокнув в щеку, Катька легкой походкой пошла в сторону школы. Надо же, а ведь она впрямь расцвела, как же я этого раньше не замечала? Можно подумать, я хоть на что-то обращаю внимание... Зато одно знаю точно: с Самохиным мы подружимся вряд ли.

Запустив окурок в урну, стоящую на приличном расстоянии, и попав, я, усмехнувшись, взяла свои пожитки и потопала к подъезду. Квартира встретила меня тишиной и духотой, несмотря на открытые окна. Я замерла у двери, оглядывая узкий коридорчик, вдоль которого по одну сторону расположились две комнаты, по другую совмещенный санузел и крошечная прихожая. Упирался коридор в кухню. Эта

квартира всегда была маленькой, а теперь казалась совсем крошечной, стены давили, не хватало воздуха. Комнаты казались темными, сколько света в них не включи. А может, так казалось только мне. Открыв дверь в мою комнатку, я бросила рюкзак и кенгуруху на кровать. Катька, по ходу, сюда даже не заглядывала. Пройдя в кухню, я поставила чайник на огонь, задумчиво глядя в окно. Значит, сестра обзавелась кавалером и попросила его о помощи. И он согласился, притом даже в Питер сам поехал меня искать. Кирилл, выходит, неспроста появился? С Самохиным они знакомы, вот тот и попросил помочь. Сам не хотел со мной связываться. Чувствую, недолюбливает он меня серьезно. Катька поди делилась переживаниями, а он услышал то, что захотел. Впрочем, я и впрямь не идеал семьи, тут не поспоришь. Теперь Самохин для Катьки рыцарь втройне, а меня бесит в три раза больше. Гад он, вот и все. Даже интересно, если бы не Влад, как бы он меня стал выманить из северной столицы? Связал бы и привез?

Я усмехнулась, чайник засвистел, выдергивая из мыслей. Налив чай, села за маленький стол. Пар поднимался над кружкой тонкой струйкой, которую хотелось потрогать. Я разрежала ее пальцем, струйка, колыхнувшись в разные стороны, разлетелась мелкими пятнами. Выглянув в окно, я лицезрела Витьку, мальчишку лет пяти, из соседнего подъезда. Он одиноко пинал футбольный мяч в столб. Поглазев на него минут пять, я, оставив чай, поплелась к дверям, по пути

наскребая мелочь. Делать все равно нечего.

Витька мне обрадовался, мы понимали друг друга без слов. Если я на улице, значит, всегда с ним поиграю. Сделал мне пас, я остановила мяч ногой, наблюдая, как мальчишка расчерчивает границы поля. Красивый, даже непонятно, в кого. Родители у него не особенно симпатичные. Хотя если бы отец столько не пил, может, и лучше бы выглядел. Сейчас он сидел на балконе с банкой пива и телефоном, делая вид, что наблюдает за Витькой. К вечеру подтянется на улицу вместе со своими собутыльниками. Балконы первого этажа тоже не пустовали: в одном тетя Лида, в другом баба Шура, любительницы гулять не выходя из дома. Мы с Витькой начали играть, а дамы, конечно, вступили в разговор.

– Вернулась, Вика, – констатировала мне тетя Лида, я молча кивнула, продолжая пинать мяч, – Катька уж тут вся извелась. Телефон не отвечает, говорит, где ты, неизвестно. Пожалела бы сестру.

– А она и мать не жалела, – влезла баба Шура, старушка по жизни вредная, да и меня всегда недолюбливала, – та больная была, а сестра здоровая, так что можно творить, что угодно.

Они делали вид, что меня нет, хотя и следили за реакцией на их слова, я отвечала тем же, стараясь представить, что в этой вселенной вообще ничего не существует кроме очерченного квадрата поля, мяча и Витьки.

– Хоть бы позвонила, Вик, – поддакнула тетя Лида, – имей

совесть. Катька тебя любит, пусть ты и непутевая.

– Любит, – хмыкнула баба Шура, – только вот Вика за порог, а та уже и хахаля привела, причем видно, не из бедных. Где она его захомутать успела?

Уверена, подобный разговор происходил у них не раз за время моего отсутствия, но теперь они пытались подключить к нему меня, надеясь одновременно и задеть, и выудить информацию. Я усердно отбивала мяч, Витька что-то кричал, он-то поди вообще не слышал разговора на балконе, фильтруя неинтересную ему информацию. Вот бы и мне так. Впрочем, в чем-то она интересная.

– Глядишь, замуж выйдет, – выдохнула тетя Лида, – уж засиделась в девках, тридцать пять скоро, рожать пора, а то поздно будет.

Я остановилась, держа под ногой мяч и дуя на челку. По-быстрей бы уже дошли до президента и что мир катится к апокалипсису.

– Скорей уж Вика нагуляет, – съехидничала бабка Шура, – хотя хахаль Катькин тут чуть ли не жил, может, и ей повезет.

Значит, Самохин все это время ночевал у нас. Катька, видимо, не хотела уезжать из квартиры, надеясь, что я появлюсь, а он ее утешал. С усердием и страстью. Я пнула мяч сильнее обычного, он улетел далеко за пределы поля. Витька бросился за ним, я повернулась к бабулям, лучезарно улыбаясь.

– Как Сашка поживает? – спросила тетю Лиду, ее малость

перекосило. Сашка ее сын, на год меня старше и со школьных лет влюблен. Матушка, конечно, такой партии сыночку не желает, и мой отказ восприняла чуть ли не со слезами счастья, но каждый раз, когда я завожу разговор о парне, бледнеет.

– Нормально, – ответила сухо.

– Мишка пить не бросил? – спросила бабу Шуру о ее старшем внуке, он запойный, семью бросил, шатается по району в поисках выпивки.

– Тьфу, – сплюнула та в ответ, – стервоза Царева, – и хлопнув створкой, скрылась в квартире. Тетя Лида осталась сидеть, но нарочито смотрела в другую сторону.

Скоро Витьку позвали домой, я потопала в магазин за сигаретами. Надо на работу устроиться, что ли. У Катьки денег кот наплакал. Хотя она теперь встречается с богатым Буратино... Интересно, он на нее раскошеливается? Она ведь добрая душа, ничего сама не попросит, постесняется. И все-таки странная пара, хоть убей. Ну что он в ней нашел?

Дома я поела, завалившись на диван, закурила, выпуская дым в потолок. После высоких питерских моя комнатуха выглядела непривычно, словно коробка. Диван, письменный стол, над ним полка, в углу шкаф. Вот и все убранство. Впрочем, меня никогда не тянуло на обустройство жилища. Да и сейчас все же проще, несколько месяцев назад диван приходилось делить с Катькой. Затушив окурок, я уставилась в потолок, надо мной желтело пятно от сигаретного дыма. Мыс-

ли лениво проскальзывали в голове, тут же исчезая. В конце концов, я заснула. Проснувшись около пяти, поняла, что срочно нуждаюсь в душе после дневных тренировок с Виткой. Заглянув в кухню, выпила остывший чай, включая телефон. Я его вырубил, как только мы с Кириллом покинули мое питерское пристанище. Почти сразу пришло смс-оповещение, Влад звонил девять раз. И через мгновение позвонил в десятый.

Я смотрела на вибрирующий телефон и размышляла, как поступить. Ответила, решив, что лучше знать, как он воспринял побег.

– А ты молодец, Царева, – услышала насмешливый голос на свое «алло», – не ожидал. Научилась сквозь стены ходить?

«С тобой научишься», – подумала я, но вслух сказала другое:

– Слушай, Влад, давай забудем о случившемся. Больше я в Питере не появлюсь.

Он рассмеялся.

– Шутишь, Царева? Твой побег только вдохновляет на свершения.

– Следом подашься? – вроде бы съязвила, но напряглась.

– А ты ждешь?

– Я жду, что ты сквозь землю провалишься, – все-таки не удержалась. Влад снова рассмеялся.

– Если и провалюсь, Царева, тебя с собой захвачу.

– Значит, пора стол накрывать? – эта игра давалась мне

тяжело. Я уже и впрямь начала думать, что Влад может появиться в нашем городе, но он весело ответил:

– Не торопись. Я не собираюсь бросаться в погоню. Подожду лучшего случая.

– Он не представится, будь уверен.

– А вот это мы еще посмотрим, Царева. Развлекайся.

И повесил трубку. Выругавшись, я пнула ногой кухонный гарнитур. Ведь не приедет, совершенно точно знаю, а все равно в душе появилось неприятное чувство. Теперь буду ждать, сама не пойми чего. Влад умеет играть на моих чувствах, даже когда находится далеко. Не сумел добиться любви, или чего он там хотел, так пытается вызвать хоть какие-то эмоции. В этом весь он.

Главное, не поддаваться на провокации. Вычеркнуть, как и полгода назад. Тогда я ведь тоже не сразу поверила, что он меня отпустил, пару месяцев ждала, шарахаясь от звонков в дверь. А потом ничего, забылось.

Протопав в ванную, я скинула шмотки, разглядывая свое отражение в маленьком зеркале с трещиной по краю. Мы с Катькой совсем не похожи, ни в жизни не скажешь, что сестры. Мать говорила, я в отца, может и так, его я никогда не видела, разве что на фотографиях, коих сохранилось немного. Отец к своему супружескому долгу относился весьма посредственно. Женился на матери, когда та забеременела Катькой, но потом его и след простыл. Так она и жила, вроде замужем, а вроде и нет. Пару раз в год он появлял-

ся, несколько раз даже возвращался с намерением начать новую жизнь. Мать его принимала, но потом он снова исчезал. В один из таких визитов успел и меня заделать, а почитай их браку было тогда уже двенадцать лет. После этого канул, вскоре мать узнала, что он погиб, попал по-пьяни под электричку в соседней области. Вот и вся история. Мать больше никого не встретила. Думаю, отца она не шибко любила, по крайней мере, после первых пяти лет совместной жизни, и тот факт, что я на него похожа, не доставлял радости. Я всегда была нелюбимым ребенком, мать жила, кажется, принципиально не замечая моего существования. Зато Катьке доставалась вся любовь. Сестра, чувствуя себя из-за этого неловко, старалась восполнить мамин пробел, постоянно со мной возясь. Только легче от этого не было, чем взрослее я становилась, тем больше была пропасть между мной и матерью. Иногда мне казалось, она меня ненавидит, но я давила эти мысли, все-таки она мама.

Катка похожа на нее, очень, темноволосая, высокая, худая. А вот я совсем другая. Невысокая, волосы светлые, глаза голубые, худая, но, в отличие от сестры, не плоская. На отца я, кстати, не особенно похожа, как мне кажется, хотя мать утверждает обратное. Может, она просто не хотела ребенка, вот и придумала отмазку, чтобы меня не любить.

К черту эти мысли, мамы уже нет, а остальное неважно.

Я долго стояла под прохладным душем, слушая шум воды, отключая голову. Вот бы научиться жить совсем без мыслей,

чтобы в голове было пусто. Не думать, не чувствовать. Постигать гребанный дзен. Ни хрена в этом не разбираюсь, но что-то подсказывает: не так там все весело. Выбравшись из душа, я вытерлась, завернувшись в полотенце, вышла. И тут же замерла в коридоре, увидев напротив себя Самохина, сидящего в кухне за столом.

Он как раз прикуривал, потому голова была наклонена к зажигалке, и потому меня обозрел снизу вверх. Я стояла столбом и думала о двух вещах: хорошо, что вообще полотенце нацепила, и почему от его взгляда по телу бегут мурашки?

Когда он наконец посмотрел мне в глаза, оцепенение спало, и я почти бросилась в комнату. Закрыв дверь, выдохнула. Вот какого хрена ему тут надо? Зачем пришел? Нагнетать обстановку? Или не терпится трахнуть мою сестрицу? Так увез бы ее к себе, нет же, сидит, глаза мозолит. В нашей квартире одному тесно, а уж вдвоем и подавно.

Зло выдохнув, я натянула трусики и шорты с майкой, тут, постучав, заглянула Катька. Вид виноватый.

– Я думала, тебя нет, – шепнула, войдя и замерев у открытой двери, – свет нигде не горел.

– Я могу уйти.

– Нет, ты что, выходи, чаю выпьем... Слушай, Тима рассказал, что ты не знала правду... Он просто подумал, ты не захочешь ехать, если узнаешь...

– И правильно подумал, – буркнула я, суша волосы поло-

тенцем, Катька не слышала.

– Не держи на него зла, он, правда, хороший, – еще раз неуверенно улыбнувшись, она вышла, добавив, – мы тебя ждем.

Я скривилась, правда, мысленно. У Катьки всегда все просто, агнец наш божий. Хороший, хороший, заладила, как попугай. Да меня от одного вида Самохина воротит. Хороший... Слабо в такое верится.

Я все же вышла к ним. За нашим столом в принципе больше трех человек не поместится, и то одному придется сидеть, загораживая выход. А именно, мне, так как Тимофей и Катька расположились друг напротив друга. Я плюхнулась на табуретку, случайно соприкоснувшись коленями с Самохиным, он бросил быстрый взгляд, я поджала ноги. Катька хлопотала с чаем, вскоре напротив меня стояла чашка с все той же струйкой пара, я уставилась на нее, сдерживая желание разрубить. Царила неловкая тишина, только слышно было, как ставят на стол чашки. Семейная идиллия. Бросила тайком взгляд на Катьку: губы кусает, нервничает. Тут в ее комнате зазвонил телефон.

– Я на секунду, – вскочила она, мне пришлось пройти к раковине, чтобы пропустить ее, стул задвинули под стол. Там ему и место. А мне – в моей комнате. Сунув в рот сигарету, я наклонилась к плите, не обнаружив в пачке зажигалку. Вечно они куда-то теряются, словно живут своей собственной жизнью, которую не хотят ограничивать узким миром сига-

ретной пачки. Прикурив, выдохнула дым, услышав движение за спиной, обернулась и почти уткнулась носом в грудь Самохина. Подняв на него взгляд, промолчала, ожидая продолжения. Катька трещала с какой-то училкой, стены здесь картонные, все слышно.

– Вот что, Вика, – сказал Самохин тихо, – давай кое о чем договоримся.

Я только вопросительно вздернула бровь, выдыхая в сторону дым. Вдохнула вместе с воздухом аромат его туалетной воды, подумав мимолетно: приятный запах.

– Катя тебя любит, она себе места не находит, так что возьми себя в ум и начинай жить нормально.

– С чего это я должна слушать нравоучения парня, который спит с моей сестрой? Кстати, не так уж и долго, чтобы начать считать тебя членом семьи.

– Ты будешь о семье говорить? Не сильно ты о сестре думала, раздвигая ноги перед своими друзьями.

Рука дернулась инстинктивно, хотела дать ему пощечину, но сдержалась.

– Да пошел ты, – прошипела, отталкивая, сделав шаг к выходу, наткнулась на появившуюся Катьку, тревожно на нас глядевшую.

– А чай? – спросила она растерянно.

– Напилась досыта, спасибо.

Хлопнув дверью, рухнула на кровать, успокаиваясь. Да пошел он, тоже мне, моралист выискался. И ведь считает,

что имеет право так себя вести. Они с Катькой всего без году неделя вместе. Да я даже в одной квартире находиться с ним не могу и не буду. Пусть сестре проповеди читает. Затушив окурок, я натянула наспех кенгуруху, и как была, в шортах, выскочила в прихожую. Обув кеды, быстро юркнула за дверь, успев избежать встречи с сестрой.

Глава 5

Идея была так себе, это я поняла через два квартала от дома. Волосы почти высохли, но майский вечер был еще прохладным, я шла, накинув на голову капюшон, и пинала попадавшиеся камешки. Может, я просто завидую? Что у Катки вдруг появился мужчина, что она счастлива. И поэтому злюсь? И поэтому меня так бесит этот Тима...

– Тима, – пробормотала вслух, словно пробуя имя на вкус. Ему действительно подходит, хоть и звучит так странно, мило, мягко. Такое же милое и мягкое, как сама Катка. Идеальная парочка, блин. Да пошли они.

Я пнула еще один камешек, услышав позади рев мотоцикла, остановилась, оборачиваясь. Так и есть, Дэн, кто ж еще. Тормознув возле меня, он снял шлем, поправив рукой светлые волосы, весело спросил:

– Вернулась, Царева?

– Нет, блин, у тебя глюки.

Он рассмеялся.

– Куда топаешь?

– Гуляю.

– Понятно. А я к Дрону. Хочешь со мной?

Немного поколебавшись, я согласилась. Дэн выдал мне шлем, нацепив его, я уселась сзади, и мы тронулись. Вообще-то, он мой бывший одноклассник, Денис Стеклов. Ко-

гда-то мы неплохо общались, но потом я умотала в Питер, и общение само собой закончилось. Однако относимся друг к другу хорошо, так что при встрече болтаем без заморочек.

Дрон это Егор Дронов, он нас старше на два года, и помышляет тем, что толкает марихуану. Дрон по натуре чувак безобидный, увлекается философией и религией, много читает, рубится в видеоигры и курит траву. Живет в маленькой однушке, единственная комната которой занята креслом с низким столиком перед ним и огромным монитором, подключенным к ноутбуку. Сбоку диван для гостей, на стене причудливая картина с поганками, в углу ларповое копье и деревянный высокий щит. Периодически Дронов выбирается на ролевухи, где отчаянно сражается с орками и прочей нежитью. Короче, интересный экземпляр. Хотя обычно его почти всегда можно застать дома в кресле с набитой марихуаной трубкой и компанией от одного до пяти человек. Больше туда просто не влезет. Попасть к Дрону могут только люди проверенные, и Дэн как раз из них, а я вроде как за компанию, хотя и меня он отлично знает.

Егор открыл дверь, и сразу повеяло сладковатым запахом. Увидев меня, присвистнул.

– Вика... Неожиданно. Я думал, ты в отъезде.

Ну да, у нас в городе все про всех знают. А Егор, кстати, чуть ли не единственный, кто всегда обращается ко мне по имени. Царева – это уже не фамилия, это состояние души.

– Погуляли, и хватит, – улыбнулась я, он кивнул, разгля-

дывая внимательно. Пожав Дэну руку, пропустил нас внутрь. В комнате никого не было. Мы разместились на диване, Егор, усевшись в кресло, принялся неспешно забивать косяк. В других домах чаем поят, а тут вот как. Чай, впрочем, тоже имелся, стоял на столе в причудливой формы чайнике, какой-то травяной настой. Парни лениво переговаривались, я наблюдала за картинкой на мониторе, беззвучно шел фильм про Бэнкси.

– Будешь? – спросил Егор, показав косяк. Я, задумчиво посмотрев, кивнула. Передав его и зажигалку, Дронов снова переключился на Дэна. Я прикурила, медленно вдыхая дым, слыша треск внутри сложенной бумаги, чувствуя, как горечь наполняет горло, как пальцы рук начинает покалывать, а в голове словно появился вакуумный шарик. Задержав дыхание, с трудом пытаюсь на раскашляться, передала косяк Дэну. Откинув голову на спинку, медленно выдохнула в потолок. И ушла в трип. Сидела, слабо слыша, о чем говорят ребята, пребывая в собственном мире, куда обостренно долетали то звуки, то запахи, то всплески эмоций. Не думала, просто принимала все, оно пролетало через меня, оставляя всполохи мыслей. И было так спокойно. Егор включил какую-то охрененно крутую музыку, в этом он был спец, откуда он только ее брал, но всегда попадал в точку. И я растворилась в ней.

Более-менее в себя пришла минут через сорок, поднявшись, сходила в ванную, умылась, ненадолго залипнув на

кране с водой, подставив под струю руки и наблюдая. Мир такой зыбкий, необъятный, и я в нем ничто, очередной всплеск энергии. Как же рвет на части, только вот зачем? Почему не перестану рефлексировать, не заживу нормально? Ответ я и так не нашла, кури – не кури.

Вздыхнув, вернулась в комнату, сев на диван, налила себе чай, тут раздался звонок в дверь. Ненавижу по накурке, когда кто-нибудь приходит, меня сразу пробирает на панику. Правда, сейчас уже немного отпустило, так что я отреагировала спокойно. А вот Дронов нахмурился.

– Я сейчас, – отложил недокрученный косяк и вышел. Звонки продолжались, а Дронов не открывал. Переглянувшись с Дэном, нахмурилась и я. Бывший одноклассник явно сел на измену, он-то был куда более накурен.

– Открывай, Дрон, – проорали за дверью, тут уж я, не выдержав, вышла из комнаты в небольшой коридор, где стоял Егор, прижавшись к дверному глазку.

– Придется открыть, – сказал, повернувшись ко мне.

– Это кто?

Дрон не ответил, отодвигая щеколду. Тут же в квартире оказалось два дюжих молодца в кожанках, бритые и очень воинственные. Вот блин, почему именно, когда я здесь? Дэн стоял за моей спиной, глядя на них. Бугай же, недолго думая, ударил Егора под дых, тот согнулся, кашляя, хватаясь за живот.

– Поехали к Давиду, – выдал один из них, перевел взгляд

на нас, скользнув по моим ногам весьма похабно, обратился к своему товарищу, – а этих куда?

– С собой возьмем. Давид разберется. Давайте, голубки, без глупостей.

Мы подчинились, спустились вниз, Дронова вел один, второй присматривал за нами, мы с Дэном были далеки от побега, хотя происходящее мне не нравилось. Не знаю, понял ли он куда и к кому мы едем, но я лично нет. Никогда не интересовалась, кто чем живет, а последние годы и вообще выпала из жизни. Вот Егор точно знал, озадаченным он не выглядел, как впрочем, и испуганным, разве что немного опечаленным. Но это давало надежду.

Нас запихали на заднее сиденье, я оказалась посередине.

– Куда нас везут? – тихо спросила Егора.

– В «Чарку». Не бойся, ничего нам не сделают.

Я кивнула, прикрывая глаза. «Чарка» – ресторан грузинской кухни в центре города. Очень крутое и дорогое заведение, я там ни разу не была. А Давид, видимо, хозяин? Чем-то ему успел Егор насолить...

В ресторане мы были через пятнадцать минут, нас проводили через задний вход в одну из випок. Там сидел мужчина лет сорока, высокий грузин, красивый, с густой темной бородой и блестящими глазами, отличная фигура подчеркнута костюмом, просто сошел со страниц журнала, что он вообще забыл в нашем городке? Хотя какая разница, где делать и тратить деньги? Все везде одинаково, разве что атмосфера

окружающая отличается. А это уже дело вкуса.

Мужчина, увидев нашу троицу с конвоем, нахмурился.

– Вы зачем сюда толпу притащили? – бросил своим ребятам низким голосом с легким акцентом.

– Они были на квартире, мы не знали, что с ними делать, – высказалась парочка, разом растеряв боевой задор. Мужчина, поморщившись, взглянул на Дэна, потом на меня. Задержавшись взглядом, задумался, переводя его на Дронова.

– Ты понимаешь, зачем я велел тебя привезти? – спросил его. Тот кивнул.

– Что скажешь?

– А что говорить? Прости, Давид, мой косяк. Я недосмотрел.

– Слушай сюда, Дрон, если еще раз подобное случится, я прикрою твою лавочку, а тебя отправлю на нары. Понял?

Егор снова кивнул.

– Вот и молодец. Теперь топай.

– А ребята? – спросил Егор.

– Забирай с собой. Хотя... – он снова мазнул по мне взглядом. – Подожди в зале, с девчонкой я переговорю.

– Давид, – Дронов неуверенно посмотрел на меня, я нахмурилась, но мужчина продолжил:

– Да ничего я ей не сделаю, успокойся, Дрон.

Тот снова кивнул и потопал к выходу, Дэн за ним, смешно семеня, то и дело оглядываясь на меня. Бойцы тоже удалились, мы остались с мужчиной вдвоем. Он сидел на диване,

разглядывая меня, скорее, с любопытством, чем с сексуальным подтекстом. Я стояла, сунув руки в карманы кенгурухи, с капюшоном на голове.

– Сядь, – указал он на кресло. Поколебавшись, я села. Мужчина потер пальцами подбородок, глядя на меня и о чем-то думая.

– Как зовут? – спросил, наконец. Послать бы его куда подальше, но внезапно взяла оторопь.

– Вика Царева.

Мужчина кивнул.

– Чем по жизни занимаешься, Вика?

Он это серьезно? Какая-то абсурдная ситуация. Но я не хотела неприятностей, ни себе, ни Егору, потому молча пожала плечами.

– По-разному.

– Работаете?

– Сейчас нет, только вернулась.

Он снова кивнул, продолжая размышлять.

– Пойдешь ко мне в ресторан официанткой?

Я часто заморгала, приоткрыв рот. Вот чего угодно ожидала, но такого...

– Вы серьезно? – спросила, не зная, что еще сказать.

– Вполне. Не скажу, что ты подходишь, но... – он покачал головой из стороны в сторону, по-прежнему что-то прикидывая. – Но я предлагаю хорошую работу. Что-то мне подсказывает: она тебе не помешает. Как и деньги.

– С чего вдруг такая благотворительность?

Он рассмеялся, весело, по-доброму, закидывая ногу на ногу. Развел руками в разные стороны.

– Благотворительность и есть, иначе не скажешь. Вот, – вытащив из кармана визитку, бросил ее на стол, – надумаешь, позвони, жду три дня.

Я взяла карточку, а потом ляпнула:

– Я согласна.

Вздернув бровь, Давид усмехнулся.

– И правильно, Вика Царева. Приходи завтра к часу, тебе все объяснят. Зайдешь с центрального входа, назовешь фамилию.

Кивнув, я повертела в руках визитку, не зная, что еще добавить.

– Иди, – лениво сказал Давид, я встала, и тут дверь VIP-ки открылась одновременно со стуком в нее. Мы уставились на вход. Там стоял мужчина лет пятидесяти, среднего роста, светлые волосы зачесаны назад, крепко сложенный, симпатичный, только взгляд мне не понравился, словно у хищника. Давид, нахмурившись, поднялся, а мужчина, удивленно на меня посмотрев, спросил:

– Не помешал?

– Нет, – ответил тот и снова кинул мне, – иди.

– Всего доброго, – ответила я, шествуя к выходу, новый гость, посторонился, рассматривая с интересом.

– Давид, у тебя отличный вкус, – заметил все же, когда я

была в дверях, — может, познакомишь нас?

— Оно того не стоит, — услышала я голос Давида, прикрывая дверь, голос недовольный. Шла по коридору, вспоминая взгляд мужчины и передергиваясь. Он мне не понравился. Ни взгляд, ни мужчина, что-то было в нем такое, отталкивающее. А вот Давид, как ни странно, показался хорошим человеком. Глупость какая. Надо узнать у Дронова, что они там не поделили. Но кажется, он слов на ветер не бросает. Интересно все же, что им двигало, когда предлагал работу? И стоит ли на нее соглашаться? Конечно, стоит. В этом ресторане я заработаю намного больше, чем в любом кафе, в которое устроюсь. Опыт работы у меня есть, только официанткой и есть, кстати, больше как-то не сложилось нигде, санкнижка действующая имеется. Ну и что, что обстоятельства странные? Я ведь всегда могу уйти, если что. А вот мне сюда самой было бы не попасть, это точно.

Егора с Дэном на улице не оказалось. Слиняли, гады, ну и ладно. Денег только нет, вот что жалко... До дома пешком час топать, но время не позднее, переживу.

Мотоцикл Дэна догнал меня через пятнадцать минут моего путешествия. Тормознув возле, парень стянул шлем.

— Ну что, не забрал в гарем? — рассмеялся Дэн. Я промолчала. — Мы с Дроном на такси до него, и я за тобой, а ты уже слилась. Ну думаю, догоню по дороге домой. И точно. Садись, Царева.

Надевая шлем, я спросила:

– Во что Дронов вляпался?

– Он не рассказал, ну его дело, как говорится.

Кивнув, я села, обхватив друга за талию, прижалась к нему. Кажется, я устала.

– С ветерком, Царева? – усмехнулся Дэн, заводя мотор, я кивнула.

Не люблю высокие скорости, рядом с ними всегда витает смерть, свистит над ухом, визжит в резком торможении, дует с ветром в лицо. Но сейчас скорость была тем, что нужно, выброс в кровь адреналина встряхнул, сгоняя остаточный морок марихуаны, разнося по телу тревожные импульсы, заставляя мышцы напрягаться. Вот бы сейчас не вписаться в поворот, вылететь в кювет головой вперед, влететь в столб, и все кончится. Ничего не будет. Только самое страшное, что там тоже ничего не будет.

– Приехали, Царева, – услышала я голос Дэна и открыла глаза. Мы стояли в нашем дворе. Витькин отец, как я и предполагала, восседал на скамейке с собутыльниками, чуть поодаль расположилась компания тетушек. Сойдя на землю, я протянула Дэну шлем.

– Спасибо, – сказала ему, он кивнул.

– Бывай.

Взревев на прощание мотором, умчал, я же потопала к подъезду, отметив, что машины Самохина нет. Уехал, значит, но того, что на уши присядет Катька, это не отменяет.

Но никто не присел, когда я тихо зашла в квартиру, сестра

уже спала, часы показывали половину одиннадцатого. Ука-
тал ее добрый молодец? Я усмехнулась, качая головой, юр-
кая в комнату. Ну и отлично, ну и замечательно.

Глава 6

Полночи проторчала в интернете, а когда проснулась, Катки уже не было. Часы показывали одиннадцать утра, я спешно полезла в душ, если хочу не просто успеть в ресторан, а выглядеть сносно, надо поторопиться. Без пяти час толкала тяжелую дверь ресторана, облаченная в джинсы и блузку с коротким рукавом, волосы заплела в косу, макияж легкий, чтобы скрыть нездоровый цвет лица, заработанный в Питере. На входе меня встретил метрдотель, грузинка лет тридцати пяти, облаченная в брючный костюм. Я сказала, меня должны ждать, назвала фамилию, женщина, кивнув, кому-то позвонила. Я осматривалась с интересом, все-таки впервые довелось побывать в этом ресторане. Заведение и впрямь высокого класса, придраться не к чему. Цены здесь, наверное, ого-го какие. Может, и чаевые будут не чета прежним. Пока я любовалась залом, женщина разглядывала меня, стараясь скрыть интерес. За пять минут мы так ни слова и не произнесли, когда пришла управляющая рестораном, женщина, кажется, выдохнула с облегчением. Управляющая мне понравилась больше, тоже с грузинскими корнями, но видимо, кто-то из родителей русский, немного другой типаж лица. Да у них тут диаспора. Чуть позже я поняла, что, думая так, была недалеко от истины. Управляющей было около тридцати, бойкая, говорливая и улыбчивая. Вкратце расска-

зав, что к чему, Гуля, так она предложила себя называть, повела меня в кухню. Вот тут выяснилось, что имел в виду Давид, говоря, что я не подхожу. Официантки все, как на подбор, темненькие. Часть грузинки, часть русские, но с типичной внешностью. Им я, кажется, не понравилась, по крайней мере, смотрели не особенно дружелюбно. Зато шеф-повар Гиви оказался душкой, когда он вещал, невозможно было не улыбнуться. Вскоре мы прошли в кабинет Гули, предложив сесть за стол напротив себя, она спросила:

– Все понятно?

– В целом, да.

– Опыт работы есть, я так поняла?

– Да, правда, заведения были попроще.

– Это ничего, освоишься. Я тебе распечатку приготовила, полезная информация по меню и кое-что по грузинской тематике, – Гуля протянула лист, взяв, я бегло прочитала текст, – в конце ссылки, где можно подробнее ознакомиться. Это поможет влиться в рабочую атмосферу. Когда сможешь выйти?

– Когда скажете.

– Давай так сделаем: приходи завтра, покрутишься тут, я тебя приставлю к официантке, поймешь, что к чему. А там уже обозначу рабочие дни.

– Хорошо. Спасибо.

Гуля проводила меня до выхода в зал, перед тем как попрощаться, сказала:

– Вот еще что... Я не вправе обсуждать и тем более осуждать решения Давида Рубеновича, он сам знает, что для него лучше, но, как ты, наверное, заметила, ты несколько выбиваешься из общей массы персонала... – я кивнула, Гуля продолжала. – Просто имей в виду, что некоторые могут быть настроены негативно, потому что знают, что взяли тебя вроде как по протекции самого шефа.

– Понятно, – кивнула я, а вскоре шагала в сторону дома, решив немного пройтись. Интересно получается, Давид предложил мне работу, понимая, что поползут слухи. Зачем ему это надо? Игра в благородство? Или я просто ему приглянулась? Слабо верится, что ради секса мужчина будет так заморачиваться. Тем более, когда неизбежно возникают вопросы касательно моей работы в ресторане. Но что-то ведь им двигало? Надо бы расспросить Дронова, кажется, они с Давидом неплохо знакомы, Егор к нему даже без отчества обращался.

Но вместо Дронова пошла домой. Квартира по-прежнему была пуста, поев суп, я с кружкой чая и сигаретой отправилась на балкон. Сегодня день тоже выдался теплый, вот бы и лето не подкачало, хоть какая-то радость. Я усмехнулась, проходя через Катькину комнату. Казалось бы, взрослый человек, все понятно, а лета ждешь на каком-то интуитивном уровне, словно заложено в нем нечто большее, чем в остальных временах года. Как для детей каникулы, а для взрослых... Даже не знаю, что, но хорошая погода летом дей-

ствуует удивительно благотворно.

Балкон у нас небольшой и открытый. Честно сказать, мы тут редко бываем. В углу примостился старый шкаф из кухонного гарнитура, покрытый клеенкой, внутри него какой-то хлам. Поставив кружку, я прикурила, тут во двор зарулила знакомая машина. Самохин. Присмотревшись, увидела и Катьку. Они запарковались у подъезда, вылезли и стали обниматься. Сама не знаю, что на меня нашло в тот момент, я ловко взгромоздилась на шкаф, перекинув ноги через перила, проорала:

– Привет, голубки! – и когда они подняли на меня глаза, помахала рукой, растянув улыбку до ушей и болтая ногами. Никогда не боялась высоты, потому сейчас, глядя на испуганное Каткино лицо, никак не реагировала, затягиваясь и выдыхая дым. Тима хмурился, что-то тихо спросил у Кати, она пожала плечами, растерянно качая головой.

– Вика, слезь, – прокричала мне, я только еще шире улыбнулась.

– Сейчас, докурю, – прокричала в ответ. Самохин снова что-то сказал сестре, она посмотрела непонимающе, он повторил. Катька, послушно вытащив из сумки ключи от квартиры, передала ему. Самохин пошел к подъезду, сестра умоляюще сложила руки:

– Вика, это не смешно, слезь, я тебя прошу. Четвертый этаж!

– А по-моему, смешно, – я снова заболтала ногами, заты-

гиваясь, Катька приложила руки к лицу. Тут и появился Самохин. Выйдя на балкон, обхватил меня за талию, прижимая спиной к своей груди, и молча затащил в комнату. Бросив в кресло, забрал сигарету и затушил прямо о Катькин стол.

– Ты какого хрена творишь? – негромко, но внушительно спросил, глядя на меня, спрятав руки в карманы.

– Может, я так всегда делаю, – усмехнулась я, садясь нормально, поправляя соскользнувшую бретельку майки, блузку дома сразу сняла. Взгляд Тимы невольно скользнул вслед за моей рукой, но почти сразу вернулся к лицу. От этого быстрого взгляда пробежала дрожь по телу. Что за хрень, что особенного в нем, что каждый раз мурашки?

– То, что ты на всех плевать хотела, я уже понял, но Катя тебе что сделала?

– Ты мне проповедь читать собрался? – усмехнулась я, вставая. – Даже не рассчитывай, благодарного слушателя не найдешь.

Зазвонил дверной звонок, видимо, Самохин дверь запер. Показав средний палец, я хотела выйти, но он, ухватив за руку, толкнул к стене. Приложил, кстати, нормально, но я только поморщилась. Самохин навис надо мной, поставив руки по обеим сторонам.

– Слушай внимательно, – заговорил спокойно, хотя я видела, что до спокойствия далеко. Но держится неплохо, Влад бы меня уже по стене размазал. – Ты возьмешься за ум и перестанешь третировать сестру...

– А иначе что? – выставила я вперед подбородок.

– Выпороть бы тебя, – процедил он.

– Сам пороть будешь? – усмехнулась я, но тут же растеряла задор, потому что Самохин продолжал молча смотреть. А я подумала: мы так близко друг к другу, одуряюще близко, еще сантиметр, и он коснется моего тела своим, я снова чувствую запах той туалетной воды, и еще его дыхание на своей коже. Я сама не поняла, как опустила глаза на его губы, а, сообразив, тут же отвернулась, и теперь его дыхание щекотало шею, отчего мурашки побежали по рукам, а еще стало трудно дышать. Дверной звонок звонил, как сумасшедший, а я не слышала его, словно весь мир вдруг сузился до пространства, сомкнутого руками Тимы. Это неправильно, все как-то неправильно. Так не должно быть. Сердце не должно стучать так громко, тело не должно дрожать от близости. Только не с Самохиным. Вот черт. Если он прямо сейчас не отойдет, я...

Самохин сделал два шага назад, дышать стало значительно легче. Однако я так и не повернула к нему голову, слышала, как он вышел, как щелкнул дверной замок, а через мгновение в комнату влетела Катька. Обхватила, прижимая к себе, тяжело дыша.

– Вика, ну зачем? Ну зачем? – повторяла, кажется, этого не понимая. Я и сама уже не знала, зачем. Дерьмовая вышла шутка.

– Прости, – сказала, отстранившись.

– Что тебе Тима сказал?

– Ничего эдакого. За тебя переживает, – тут я нахмурилась, – ты ведь ему не рассказывала?

– Нет, – покачала она головой. Говорили мы тихо, потому что Самохин был в кухне, – но может, стоило бы? Тима хороший, он...

– Это его не касается, – отрезала я, – что ты вообще везде его вставляешь?

– Я... Кажется, я люблю его, – выдохнула сестра еле слышно, я замерла, отчего-то сердце екнуло.

– Вы всего ничего вместе, – сказала все-таки.

– И что? Тебе когда-то много времени понадобилось?

Я промолчала. Ладно, она права. Но почему от этой мысли так неприятно, неуютно?

– А он что? – спросила ее. Катька неуверенно пожала плечами.

– Мы не говорили об этом серьезно... Давай потом, Вика, – она кивнула в сторону кухни, я кивнула в ответ. Мы прошли туда, Тима курил, сидя за столом, бросив на нас взгляд, отвернулся и выдохнул дым. Я невольно рассматривала его, пытаясь делать это незаметно, пытаясь понять, что он за человек. Потому что не могла разглядеть в нем того, о ком говорила сестра. Мне все казалось, есть что-то за этим хорошим парнем Тимой, в которого Катька умудрилась... влюбиться. Неужели всерьез? Да ведь у нее никого толком не было, а на тех, кто был, без слез не взглянешь... И тут Самохин. Красивый, заботливый, сильный мужчина. Конечно,

она голову потеряла. Только что чувствует он?

– Тима, извини, что так вышло, – произнесла Катька, – давайте чаю выпьем и забудем о случившемся.

Вот в этом вся Катька. Добродетель в юбке, как она такая вообще выросла? Самое интересное, сестра и впрямь забудет, а вот я нет. И Самохин нет. И в понимании этого есть какая-то сладкая горечь, словно между нами нить, которая прямо сейчас незримо привязывает нас друг к другу. И кажется, я знаю ей название: ненависть. Только лучше бы не было вообще никаких нитей, лучше бы нас не связывало ничего.

Чай мы пили молча. Я сидела напротив Тимы, потому все больше смотрела в чашку, чтобы не встречаться с тяжелым взглядом. Наконец, когда звяканье посуды о стол достигло апогея, Самохин сказал:

– Я поеду, Кать.

Быстро кивнув, сестра встала и первая вышла из кухни, чтобы выпустить Тиму и проводить. Они вышли на лестничную клетку, смешно. Пусть соседи любят на то, как они обжимаются, это, конечно, менее неловко, чем я. Закурив, я откинулась на стуле, опираясь спиной на гарнитур. Катька вернулась быстро, минут через пять, губы припухшие, вид смущенный и счастливый. Так и хочется гадость какую-нибудь сказать, а в голове мелькнула мысль: интересно, какой Самохин, когда нежен? Как целует, как смотрит. Полная хрень, надо гнать эти мысли подальше, с чего мне

вообще подобное в голову лезет?

Я молча наблюдала, как Катька убирает со стола.

– Расскажешь ему о своей любви? – спросила, когда сестра выключила воду и принялась вытирать руки. Катька замерла, явно раздумывая. Повернувшись, посмотрела, сжав губы и сев рядом, выдохнула.

– Не знаю, Вика. Иногда мне кажется, что ему это не надо... Не верится, что он со мной, с чего бы, кто я, а кто он...

– Глупости не говори, – нахмурилась я, затягиваясь, – что ты себя постоянно унижаешь? Ты красивая женщина, добрая, заботливая, любящая. И даже такой придурок, как он, смог это заметить.

Катька улыбнулась, качая головой.

– У меня никогда такого не было, Вика, – призналась вдруг, – кажется, весь мир сузился до одного человека, хочется все время быть рядом с ним, трогать, разговаривать, целовать...

– Тогда какого хрена ты который вечер дома?

Она бросила на меня виноватый взгляд.

– Мне нянька не нужна, – я затушила окурок, – ты же понимаешь, если я захочу снова сбежать, то сбегу. И никакой Самохин не остановит. Так что оставь свое гипертрофированное чувство заботы и поезжай к нему.

Она смотрела на меня с надеждой в глазах, а я думала, неужели мое мнение так важно?

Если я сейчас скажу, что она мне нужна, сестра ведь оста-

нется. Откуда эта дурацкое чувство вины передо мной? Когда Катька поймет, что не заменит мать, да и не нужно мне это? Сестре бы с собой разобраться, но она упорно прыгает вокруг меня. Я младше на десяток лет, а такое ощущение, что наоборот. Я вдруг осознала простую вещь: Катька по-другому не умеет. Она в принципе не способна на поступок, потому что привыкла жить так, как ей говорят. И сейчас она ищет в чужих словах и действиях совет, указ, если можно так сказать, потому что просто не знает, как поступить.

– Иди уже, – махнула я рукой, поднимаясь, – чтобы духу твоего тут не было через десять минут.

И Катька уехала. Позвонила Самохину, потом в такси, и уехала. А я лежала в своей комнате со странным чувством. С одной стороны, понимала, что поступаю правильно, а с другой... Все казалось: я отворачиваюсь от чего-то очевидного, пытаюсь делать вид, что все по-прежнему, но внутри что-то происходит. Только я не хочу туда, там только боль. Боль и страх, что может стать еще больше.

Глава 7

Стажировка прошла хорошо. Первые два дня я работала под присмотром, потом отправилась в самостоятельное плавание. В униформе выглядела, как выпускница института благородных девиц: светло-голубая блузка с коротким рукавом, юбка колокольчик до колена, с поясом на талии, в забранных волосах синяя атласная лента. Ну просто загляденье. Катьке сказала, что устроилась официанткой, но о месте умолчала, чтобы избежать вопросов, на которые нет ответов. Не правду же ей рассказывать? Впрочем, мы с ней эти дни почти не встречались, я была в ресторане, она после школы заходила домой, приготовив поесть, уезжала к Тиме. Наметилось шаткое равновесие, которое пока держалось, вопрос, сколько это продлится? А может, Катька вовсе к нему съедет, будем с ней видаться от случая к случаю, и все само собой уладится? Или просто время пройдет, и мы свыкнемся с тем, что кто-то кого-то недолюбливает. Не знаю, почему, но я в это не верила.

Работа заняла мои мысли и время, позволив сосредоточиться на выполнении ряда задач и перестать загоняться. Две недели пролетели быстро, я наострилась и в этот день даже начала думать, что все налаживается, думала так примерно до обеда, а потом началось. Хотя ничто не предвещало, как обычно.

– Двое за четвертым, – услышала я и потопала к столику, нарисовав на лице улыбку. Самохина узнала сразу, хотя он сидел ко мне спиной, и, мысленно покачав головой, вернула сползающую улыбку на лицо. Ладно, выдержим. С ним был симпатичный блондин лет тридцати пяти.

– Добрый день, – сказала я, кладя меню перед каждым, – готовы что-то заказать сразу или подойти попозже?

Надо было видеть лицо Тимы. Медленно подняв голову, скользнув взглядом по моему телу снизу вверх, он уставился мне в глаза взглядом «какого хрена ты здесь делаешь», но почти тут же отвернулся, вернув обычное выражение. Зато блондин не стал скрывать удивления, разглядывая с интересом.

– Мы точно в тот ресторан попали? – поинтересовался с улыбкой.

– Уверена, что да. А если нет, то в любом случае не пожалеете, – ответила, продолжая улыбаться.

– Я уже не жалею, – откликнулся мужчина, – если Давид всех своих грузиночек поменяет на таких красавиц, я буду столоваться у него круглые сутки. Да простят меня грузиночки, – добавил он тихо, сделав доверительное лицо. Я продолжала улыбаться, а что еще делать?

– Для начала неплохо что-то заказать, – заметила все же. Блондин рассмеялся, не открыв меню, продиктовал заказ, не сводя с меня взгляда.

– Отличный выбор, – ответила я и обратилась к Тиме, –

вы определились?

Хотела сохранить то же настроение, но улыбка помимо воли сошла, Самохин, не посмотрев в мою сторону, продиктовал заказ.

– Какой ты бука, Тимофей Никитич, – рассмеялся блондин, – прекрасная Виктория тебя боится.

Больно надо, подумала я, но промолчала, вежливо улыбнувшись. И только оказавшись в кухне, выдохнула. Могли же они сесть не за мой столик хотя бы, вот ведь счастье привалило. Отдав заказ в работу, поспешила обратно в зал – заняли соседний столик. Тут мне опять «повезло»: тот самый мужчина, что приходил к Давиду. Интересно, он меня узнает? Маловероятно, все-таки я выглядела иначе, к тому же вряд ли он вообще меня запомнил. Я невольно рассматривала его, пытаюсь понять, что так оттолкнуло в прошлый раз, и не понимала. Однако впечатление осталось, теперь его нужно было как-то перебороть и быть милой и вежливой. Пришел мужчина с дамой около тридцати пяти, вела она себя так, словно все ей в этом мире должны, а я больше всех. Если моя внешность парочку удивила, то они этого не показали, сделав заказ, отложили меню, не обращая на меня внимания, и я удалилась, выдохнув: кажется, мужчина меня не вспомнил. Не то, что я этого факта боялась, просто не хотела, чтобы ползли ненужные слухи, а они и так имеют место быть. Здесь, кажется, всё подмечают и замечают, даже то, чего на самом деле нет. Как например, мой роман с Давидом. Точ-

нее, с Давидом Рубеновичем, никак не могу привыкнуть называть его по имени-отчеству. Ему оно не идет, просто Давид звучит круче.

В целом все шло не так плохо. Тима меня игнорировал, блондин отвечивал комплименты и шутил, я улыбалась, стараясь отвечать отстраненно. Они что-то обсуждали и задержались дольше соседнего столика. Я принесла счет, передала мужчине, вот тогда он и сказал:

– Униформа вам к лицу, Виктория. Хотя короткие шортики мне тоже понравились.

Я застыла, так и не отдав счет, не зная, что сказать. Самое дурацкое, что и Тима с блондином слышали эти слова, теперь Самохин черт знает что надумает. Мужчина тем временем вытянул счет у меня из рук и, сунув туда несколько купюр, вернул.

– Сдачи не надо, – ответил, улыбнувшись, я кивнула, бормоча:

– Благодарю.

Бросив взгляд на его спутницу, рассматривающую меня с презрением, удалилась. Только вышла в коридор, как меня схватил за руку сам Давид. От неожиданности я вздрогнула, глядя на него с удивлением.

– Все нормально, Вика? – спросил меня.

– Да.

– Не пристают?

– Нет, Давид... Рубенович, все в порядке. Немного удив-

ляются только моей внешности.

Еще поглазев, он кивнул.

– Ну иди, работай, – сказал мне и вышел в зал, отпуская. Я посмотрела ему вслед, на мгновение поймав в открывшихся дверях взгляд Тимы, демонстративно отвернувшись. У нас перемирие, проще сделать вид, что мы незнакомы.

Интересно, с чего это вдруг Давид проявил такую заботу? Из-за того мужчины? То, что мы столкнулись в випке, ему не понравилось, он сразу нахмурился и стал напряженным. Что же это за мужчина такой? Почему Давиду претит то, что я с ним пересекаюсь? Или я выдумываю, и он просто обратил внимание на заигрывания собеседника Тимы, вот и задал вопрос? Ага, спустился лично из кабинета, чтобы посмотреть, не обижают ли новую официантку. Что-то тут не так. Наплевав на условности, я выглянула в круглое окошко на двери, отсюда зал просматривался хорошо. Давид подошел к тому мужику, поздоровавшись, они вместе направились к выходу, о чем-то переговариваясь. Значит, дело все-таки в нем? Давид спустился вниз встретиться с ним и увидел, что тот что-то мне говорит. Я еще некстати застыла соляным столпом, выглядела полной идиоткой. Давид мог это заметить, и... и что? Глупость какая-то, что этот мужик мне сделает? Может, он просто бабник? Ага, а Давид рыцарь, защитник женщин. Нет, тут что-то другое. Знать бы, что... Только мне это явно не светит, спросить не у кого. Так что и заморачиваться не стоит. Сказать это оказалось проще, чем сделать. И оста-

ток дня я провела, то и дело возвращаясь мыслями к тому мужчине. Чаевые он, кстати, оставил шикарные, не поскупился. А мне и в этом виделся теперь тайный умысел. Просто теория заговора в отдельно взятом маленьком городке. Объект уничтожения – официантка ресторана грузинской кухни Виктория Царева. Смешно.

Так я думала, пересчитывая после смены чаевые. Общая сумма была вполне себе, я бы даже сказала, в этом ресторане можно на чаевые жить припеваючи.

– Вика, – позвала одна из официанток, обернувшись, я увидела ее с подругой. Нелли и Роза, всегда вместе, неразлучная парочка. Я посмотрела вопросительно.

– Сознайся, ты же спишь с Давидом? – Нелли прямо сама скромность. Усмехнувшись, я убрала кошелек в сумку и перекинула ее через плечо.

– Завидовать нехорошо, – ответила вполне мирно, складывая на груди руки и опираясь плечом о стену. Девушки фыркнули.

– Больно надо. Знаешь, чего тут все ждут?

– Чего же?

– Появления жены Давида. Странно, что она до сих пор не пришла, если учесть, что слухи гуляют будь здоров.

– Может, она просто умная женщина и понимает, что не стоит верить всякому бреду, который несут глупые девушки? – отлепившись от стены, я пошла к выходу, услышав в спину:

– Зарывайся, сколько хочешь, но готовься к тому, что скоро вылетишь отсюда.

Очень хотелось показать им средний палец, но я сдержалась, просто сделав ручкой, не оборачиваясь. Хотя сам разговор мне не понравился. Ввиду открывающихся перспектив. Если слухи так быстро разлетаются, скоро полгорода будет знать о моем мифическом романе с владельцем ресторана. Я одного не понимаю: Давид этого не видит? Да не поверю. Однако не очень-то он переживает. Может, и мне не стоит?

Покинув заведение через задний выход, я потопала к остановке, а возле нее увидела знакомую машину, которая при моем приближении сверкнула фарами. Тима, черт бы его побрал.

Оглянувшись по сторонам и никого не приметив, все же юркнула в салон. Ладно, отвечу на его вопросы, а то он еще надумает не пойми чего и Катьке донесет. Тима сразу тронулся с места. Несколько минут ехали молча, я достала сигареты, сунув одну в рот, поняла, что зажигалка осталась на работе. Тима протянул свою, вынув из кармана рубашки. Приоткрыв окно, я прикурила и протянула зажигалку обратно.

– Оставь себе, – бросил он, не поворачиваясь, я усмехнулась, кидая ее в пачку. – Как ты попала в этот ресторан?

Вот же заботливый выискался. Все ему знать надо, и все из лучших побуждений вроде как. Для начала я, пожалуй, узнаю, что ты успел надумать. Впрочем, мнение обо мне у Тимы не высокое, так что ответы лежат на поверхности.

– Попала и попала, как все, – пожала я плечами. Самохин нахмурился. Немного помолчав, спросил:

– Спишь с Салагиадзе?

Я даже усмехнулась, до чего скудна человеческая фантазия. Это он так решил, увидев меня с Давидом в дверях? Читает по лицам? Тоже мне, прорицатель.

– Даже если и сплю, тебе какое дело? – ответила, посмотрев на него, Тима бросил быстрый взгляд.

– Надеюсь, ты понимаешь, что Салагиадзе тебе не по зубам.

Я устало вздохнув, выбросила окурок, выдыхая дым.

– Да не сплю я с ним, – сказала все же, закрыв окно, – мы случайно пересеклись, и Давид взял меня на работу.

Тима на меня не взглянул, но я поняла, что зря сказала Давид, а не Давид Рубенович. Вот как-то даже не подумала. Наверное, звучит фамиллярно, раз Тима хмурится. Да и черт с ним, пусть хмурится, негодует, ненавидит, все, что угодно, лишь бы не нагнетал. Но почему-то чувствовалось, сегодняшний день положил конец затишью. А еще казалось, что и затишье было неспроста, а значит, неминуемо приближается буря, только вот я не знаю, какая, и на душе почему-то тревожно.

Тима высадил меня за квартал от дома, я снова усмехнулась.

– Не зайдешь? – спросила его, он качнул головой.

– Не хочу врать, будто встретил тебя случайно. А реальное

положение вещей не хочу объяснять. Она ведь не знает, где ты работаешь?

– Нет, – я пытливо посмотрела на него, – может, расскажешь про реальное положение? Чем оно тебе так не понравилось? Ну кроме того, что я внешне не вписываюсь?

Тима вздохнул, немного постучав пальцами по рулю, достал сигареты и начала искать зажигалку. Не удержавшись, я улыбнулась, вытащив зажигалку из пачки, протянула ему.

– Спасибо, – ответил он, держа сигарету губами, а я невольно на них посмотрела и почему-то вспомнила, как мы стояли в Каткиной комнате друг напротив друга и эти губы были так близко от меня... Он закурил, а мне до боли хотелось вытащить у него изо рта сигарету и затянуться ей. Какое-то дикое, абсурдное желание, откуда оно взялось в моей голове, и почему вдруг стало так неуютно и тесно в этой машине, словно из нее весь воздух выкачали? Глубоко выдохнув, я отвернулась. Прошли считанные секунды, а кажется, будто вечность. Тима коснулся моей руки, резко повернувшись, я увидела, что он отдает зажигалку.

– Да ладно, – ответила, – твоя же.

– Это подарок, – усмехнулся он, я тоже, но взяла, чувствуя себя одновременно глупо и... радостно? В голове каша какая-то, пора с этим завязывать.

– Так что там с положением дел? – вернула себя на грешную землю.

Тима выдохнул в окно, думая. Потом повернулся ко мне.

– Сложно сказать, я же не все знаю. Он сам взял тебя в ресторан?

Поколебавшись, я кивнула, добавляя:

– Со знакомым заезжали к Давиду, мы немного поговорили, и он предложил мне работу.

Самохин посверлил меня взглядом, я смотрела по возможности честно. Ну приврала, но хоть часть рассказала, так что имею право на ответ.

– Просто Салагиадзе непростой человек в этом городе, – выдохнул Тима, а у меня на языке крутился вопрос: а что за человек ты, и откуда столько знаешь? – Ресторан рестораном, но он, скажем так, имеет теневой бизнес. Я просто хочу понять, каким боком тут ты. Одно дело, если бы ты с ним спала, тут все понятно, другое, как ты говоришь, случайность.

Ясно, ни на йоту мне не поверил, а вот про бизнес интересно. Только какой? И как это может быть со мной связано?

– А с Жильцовым ты когда успела познакомиться? – задал вопрос Тима, я не сразу поняла, о ком речь, увидев мой взгляд, он добавил. – Тот, что заценил твои ноги в коротких шортиках.

Я закатила глаза. Услышал и это.

– Он тогда с Давидом был, – ответила коротко. Тима, задумчиво кивая, смотрел в окно.

– Так и что у Давида за бизнес? – вернулась к начатому разговору. Об этом Жильцове тоже хотелось спросить, но я

чувствовала, это заставит его насторожиться. Тима еще поглазел на меня. – Слушай, я все равно буду об этом думать, так что хуже не будет.

Усмехнувшись, он выбросил окурок в окно, подняв стекло, ответил:

– Иди домой, Вика, и не лезь во всякое дерьмо, его в твоей жизни и так хватает.

Я смотрела на него, не отрывая взгляда, сама не знаю, что пыталась высмотреть. Просто тон, которым были эти слова сказаны, мне не понравился. А еще в Самохине как будто что-то изменилось за эти две недели. По отношению ко мне. Я не видела привычной резкости, злости. И причин таких изменений тоже не видела. Неужели Катька на него так влияет? Тима, бросив взгляд, отвернулся, глаза перед собой, ожидая, пока я насмотрюсь. Весь его вид говорил о том, что больше я от него ни слова не услышу, даже если пытаться начну. А на фига тогда начинал? Типа я тебя предупредил. А то, что я буду об этом думать постоянно и искать ответы на вопросы, об этом он подумал? Ладно, надо валить.

– Спасибо, что подвез, – сказала, вылезая из машины. Он не ответил, я потопала в сторону дома, вдыхая прохладный воздух и размышляя над разговором. Вышел он интересным. Тима сомневается, что я оказалась в ресторане просто так, вариант секса с боссом не подтвердился, и он считает, что это может быть связано с теневым бизнесом Давида. Бред какой-то. То есть при чем тут я? Использовать себя не дам,

в противозаконные дела не полезу, так что слабо просвечиваются варианты воздействия. И почему именно я? Миллион девчонок вокруг, а Давид берет первую попавшуюся под руку практически в смысле этого слова. То, что я оказалась у Дронова и нас привезли в ресторан, вообще невозможно было предугадать. Так или иначе, я не вижу, как меня можно использовать, но это вовсе не значит, что этого сделать нельзя. Может, уволиться? Я устало потерла лицо руками. Мне надо отдохнуть, вот что, отдохнуть и обдумать все спокойно.

Катка была дома, выползла из своей комнаты в ночнушке, но, видно, еще не спала.

– Как рабочий день? – улыбнулась мне. – Есть хочешь?

– Чаю выпью, – ответила, проходя к себе и переодеваясь. Когда пришла на кухню, сестра уже заварила чай и все-таки сделала бутерброды.

Усевшись за стол, я спросила:

– Почему дома?

– Тима сегодня допоздна занят.

Я кивнула. Ага, занят. Вынюхивает, чем занимается твоя сестрица, Кать, и не вляпалась ли в очередную историю. И тут я подумала: а, может, он ее любит? Она же не просила его за мной присматривать и уж точно не давать лезть, куда не просят. А он это делает, и ей не рассказывает, бережет. Это было так странно, слишком странно. Вся их любовь казалась странной, непонятной. Но ведь это их любовь, напомнила я себе, а ты, Вика, просто забыла, каково это. Может, и

забыла, но разве счастливые люди выглядят так? А как они выглядят? У всех счастье разное, из кого-то фонтаном бьет, у кого-то тихое, неприметное. Не стоит мне лезть в их тихое, неприметное со своими советами, меня там точно не ждут. Мы так и просидели молча, пока я пила чай. Катька, кажется, мучилась, хотела что-то сказать, но сдерживалась. Я ей не помогала, догадываясь, о чем пойдет речь. Она, конечно, помнила день, в который моя жизнь разлетелась вдребезги. А завтра... завтра его годовщина.

– У тебя выходные? – начала издалека. Я молча кивнула. Снова тишина и вопрос. – Что будешь делать?

Помимо воли захотелось улыбнуться. Такая забавная, реально считает, что я не понимаю, куда она клонит? Я решила, глупо ходить вокруг да около, потому сказала:

– Все будет хорошо, Кать, – взяла ее за руку, – я никуда не убегу и ничего не отмочу. И с балкона прыгать не буду.

Сестра неуверенно улыбнулась, сжав мою ладонь.

– Время лечит, Вика, – сказала мне. Лечит. Уже два года лечит, да вот пока никак не вылечит. – Тебе просто нужно отпустить прошлое. И перестать винить себя.

Ага, а нобелевскую премию получить не надо? Это куда проще, чем все перечисленное. Ладно, ирония – защитная реакция, и пусть она останется только в моих мыслях. Катька ведь реально помочь хочет. Как будто можно такое вылечить словами... Разговоры по душам мне точно сейчас ни к чему.

– Пойду спать, – я встала, – спасибо за бутерброды.

Сполоснув чашку, ушла к себе, пожелав сестре спокойной ночи. Катька осталась сидеть в кухне.

В кровать я легла с готовностью к длительной бессоннице, но неожиданно мне повезло. Видимо, усталость взяла свое. Поворочавшись минут тридцать, я уснула.

А ночью снился все тот же сон, яркие картинки, всплывающие одна за другой: руль, ощущение ветра на лице и в волосах, так бывает, когда быстро едешь с открытым окном. Дорога, резкий поворот, человек, и я несусь на него с сумасшедшей скоростью. Прямо в его небесные бездонные глаза. Врезаюсь в их глубину и оказываюсь в небе, здесь тихо, спокойно, будто замедленно все. Даже заторможено. Нет звуков, словно заложило уши. А я кричу, кричу до хрипа его имя, но из моего рта не вылетает ни одного звука. В голове нарастает звон, и чем он громче, тем больше похож на рев двигателя, и когда этот рев становится невыносимым, я просыпаюсь.

Раньше вскакивала в холодном поту, первые полгода этот сон мне снился часто, потом реже, но перед этим днем неизменно. А сейчас только сердце стучит немного быстрее обычного. Человек такая сволочь, что привыкает ко всему, даже к кошмарам, которые его преследуют.

Глава 8

Открыв глаза, я уставилась в потолок. В комнате светло, взяв телефон, посмотрела на часы: половина десятого. Значит, Катьки нет дома. И хорошо. Наверное, хорошо. Поднявшись, я сходила в душ, потом выпила чай, старательно отгоняя любые мысли. Странно это все: дата в календаре, дата, которая сегодня ничего не значит, которая кроме цифр ничего общего с тем днём не имеет. Все началось и кончилось тогда, но цифры, долбанные цифры в календаре, имеют свою власть. Имеют силу возвращать в тот день, проживать его, а мне хочется только бежать, бежать куда подальше. Но бежать некуда, потому что тот, кто меня преследует, живет в моей голове. Это он ненавидит май, ненавидит последний день весны, машины, высокие скорости и... меня.

Ненавидит так, что заставляет уничтожать саму себя, выкручивая нервы, выжимая эмоции, надавливая на болевые точки. Он, этот преследователь, хочет раздавить меня, уничтожить, потому что понимает: только тогда исчезнет боль, заполнившая его до краев и не желающая исчезать, что бы ты ни делал.

И сегодня я бежала от этого преследователя, борясь с ним изо всех сил, в конце концов, я ведь обещала не прыгать с балкона.

Но находиться дома, в этом жутко узком пространстве, не

могла. Шаталась по улицам, уйдя подальше от нашего района, в общем-то, шла в никуда, не следя за дорогой. Курила одну за одной, смотрела по сторонам невидящим взглядом. Бывает такое взбудораженное состояние, когда невозможно сидеть на месте. И я шла, шла, шла, пока через два часа не оказалась возле дома Дронова.

Поняв это, усмехнулась. На самом деле, предсказуемо. Посмотрела на его окна, как обычно, завешены тяжёлыми темными шторами. Идти или не идти? Подойдя к домофону, уткнулась лбом в прохладный металл двери, водя пальцем над цифрами. И когда решила, что не пойду, дверь открылась, выпуская наружу парня лет шестнадцати. На меня он посмотрел с удивлением, а я юркнула в подъезд. Значит, всё-таки судьба.

Долго поднималась по ступенькам на пятый этаж, нарочито медленно, потому что понимала: по большому счету эта встреча ничего не даст, может, только хуже сделает. А пальцы уже давили на кнопку звонка. Егор открыл почти сразу, словно ждал. Я криво усмехнулась, разводя руками.

– Можно? – спросила его. – Или у тебя гости?

Немного поглазев, он отодвинулся, пропуская внутрь. Молча разувшись, я прошла за ним в комнату. Егор курил и слушал Нирвану. Наверное, это тоже было предсказуемо. Я выдохнула, закрыв глаза, на мгновение окунувшись в прошлое.

Это несовременно — слушать Нирвану, когда тебе двадцать. Но эта группа реально вне времени. Мы в квартире его родителей, свет погашен, под потолком крутится дискошар, раскидывая по комнате причудливые огни. Нирвана играет на полную громкость. Курт надрывно поет об одиночестве и жизни. А я кричу вместе с ним, танцуя в мерцающих огнях. Я вижу напротив только силуэт, теряющийся в темноте, но знаю, что он улыбается, глядя на меня, ему нравится все: как я танцую, как пою, как улыбаюсь. Потому что то, что между нами — это стихия, в которой два ветра нашли друг друга. Полное, совершенное соединение. Счастье, которое, казалось, будет вечным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.